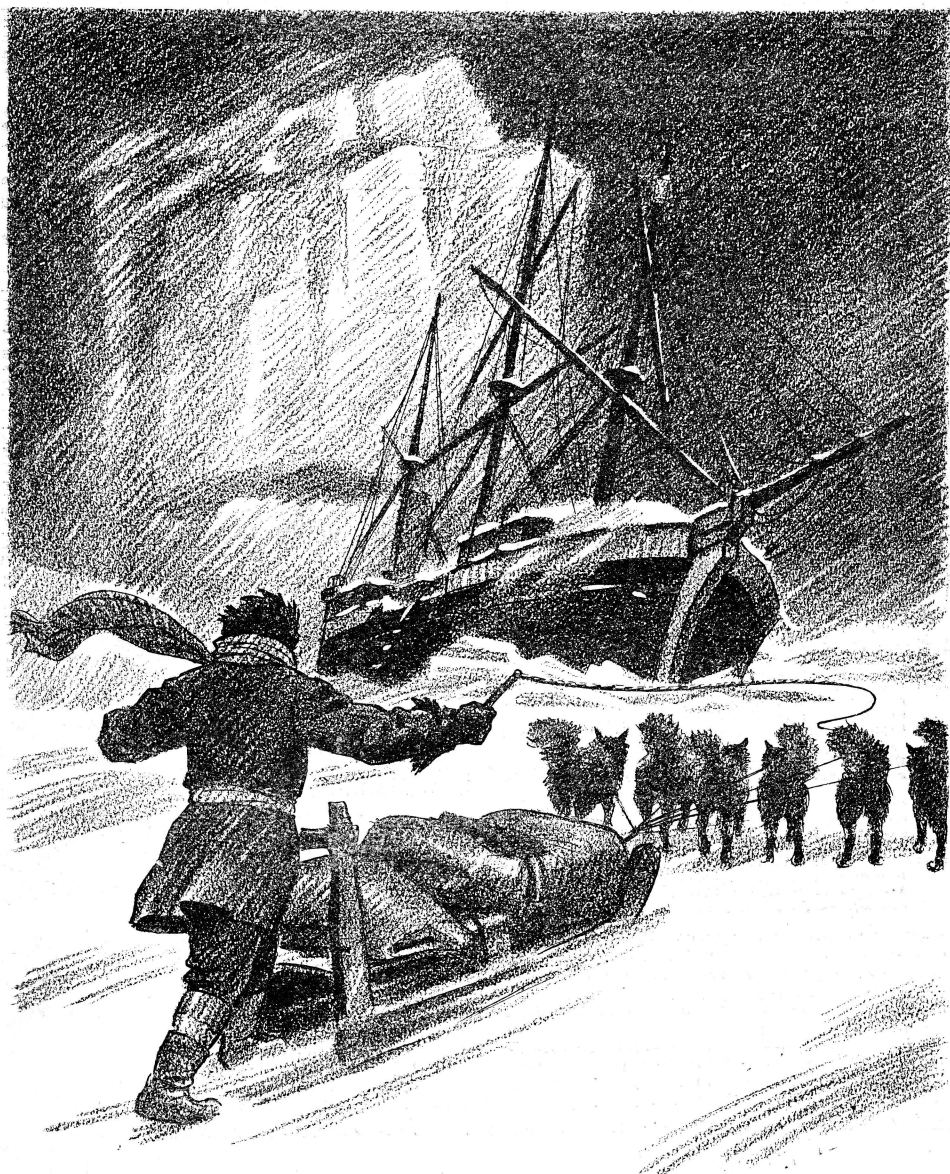

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 7

Цолярный рейс клипера „Медведь“. ...Нагруженные сани, запряженные маламутами, экспедиция с „Медведя“ пустилась в странствование.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

24 КНИГИ (около 4.000 стр. за год)
За 6 р. в год (ВМЕСТО 9 р. 60 к.)

ПОДПИСКА
НА 1928 НА

УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ РОМАНОВ 24
ИЗ ЖИЗНИ РАЗЛИЧН. ЭПОХ И НАРОДОВ

БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

лучших русских и иностранных авторов, в новой литературной обработке, с объяснительными примечаниями и с предисловиями: ФЕЛИКСА КОНА, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Ю. ЛАРИНА и др.

популярные романы: А. ДЮМА — „Три мушкетера“; МАРК ТВЕН — „Янки при дворе короля Артура“; Р. ХАГГАРДА — „Дочь Монтенуи“; В. ГЮГО — „Человек, который смеется“; З. СИНКЛЕР — „Север против Юга“; ВАЛЬТЕР Скотт — „Роб-Рой“; И. ЛАЖЕЧНИКОВ —

В „БИБЛИОТЕКУ“ ВХОДЯТ:

„Ледяной“; А. ФРАНС — „Бог жандарма“; Ф. ЛЮБЕР — „Саламба“; ШПИЛЬГАГЕН — „Один в поле не воин“; ТЕТМАЙЕР — „Горные орлы“; П. МЕРИМЭ — „Варфоломеевская ночь“; Г. ЗБЕРС — „Уарда“; ДЖИОВАННОЛИ — „Спартак“; КОСТОМАРОВ — „Кудеяр“, и другие.

Все 24 книги (по 160 стр. убоистого текста в каждой) В КРАСОЧНЫХ ОБЛОЖКАХ.

Ежемесячно подписчики получают по 2 книги (320 стр.). ЦЕНА КАЖДОЙ КНИГИ „Библиотеки“ в книжн. магаз., в киосках и у газетч. — 40 к.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на год — 6 руб., 6 м. — 3 руб.
(с перес. и доставкой): 25 к., 3 м. — 1 руб. 75 к. и 1 мес. — 60 к.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ (почтовыми переводами): Москва, центр, Ильинка, 15, „ЗИФ“.

Выписывающим непосредственно из Издательства

РАССРОЧКА

годовой платы: при подписке — 3 р., к 1 мая остальные 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ: в Москве — в магазинах „ЗИФ“: 1) Столешников пер., 5, 2) Никольская, 12 и 3) Лубянский пассаж, пом. 25; в провинции: в Отделенных „ЗИФ“: 1) Ленинград, пр. 25 Октября, 13; 2) Харьков, Дворец Труда, Горюхицкий пер.; 3) Ростов н/Д, ул. Зингера, 108/10; 4) Киев, ул. Поповского, 25; 5) Днепронетровск, пр. К. Маркса, 38, и во всех отделен. центральн. газет, в киосках на ж.-д. станциях, ПОВСЕМОСТО в почтовых отделен. и писмоносцах, доставля. корреспонден. на дом.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ С ЯНВАРЯ СЕГО ГОДА!

Вышли и разосланы подписчикам романы: „СПАРТАК“ — Джованноли, „ДОЧЬ МОНТЕНУИ“ — Р. Хаггарда, „УАРДА“ — Г. Зберса, „САЛАМБО“ — Флора, „КУДЕЯР“ — Костомарова и „ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ“ — П. Меримэ.

ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год
на ЖУРНАЛ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ
С МАРТА — ДО КОНЦА ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ:

ВСЕМИРНЫЙ
СЛЕДОПЫТ

ПО 1-МУ АБОНЕМЕНТУ (за 5 р. 20 к.):

- 10 № № „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“: ежемесячного богатого иллюстрированного журнала путешествий, краеведчества, приключений, охоты и научной фантастики. Обложка печатается в 6 красок (офсет).
- 20 № № „ВОКРУГ СВЕТА“: двухнедельного иллюстрированного журнала путешествий и приключений на суше, на море и в воздухе.
- 10 № № „ВСЕМИРНОГО ТУРИСТА“: первого специального журнала, посвященного пешеходному, водному и горному туризму как в СССР, так и за границей.
- 10 двойных таблиц „ТАЛЛЕЯРА НАРОДОВ СССР“: 1) изображающих характерные типы жителей, одежду, жилище, орудия производства, утварь и пр. различных народов СССР (печатаются в 6 красках на посл. стр. обл. „Следопыта“).

ПО 2-МУ АБОНЕМЕНТУ (за 9 руб.):

Кроме всего перечисленного в 1-м абонементе —

20 КНИГ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
ДЖЭКА ЛОНДОНА 20

Это первое общедоступное издание полного собрания сочинений популярнейшего автора нашей современности писателя фундаментальных рассказов в библиотеку каждой семьи, школы и клуба, изыскатель. (Все издание — 48 книг — рассчитано на 2 г.: 1928—1929).

Содержание 20 книг:

Сердца трех. — Джерри Островитянин. — Майкл, брат Джерри. — Северная Одиссея. — Смок-Белью. — Путешествие на „Смелости“. — Приключения. — Межзвездный скакун. — Зов предков. — Белый камень. — Силасовы Принцессы. — До Адама. — Алая чума. — Смысл жизни. — Дочь снегов. — Игра. — Первобытный зверь и другие романы, повести и рассказы.

Всего в 20-ти книгах — около 2900 страниц.

„Следопыт“ и его приложения за январь и февраль ПОЛНОСТЬЮ разошлись. Подписка принимается только с марта и последующих месяцев. Подписавшимся с марта до конца года по II абон. Изд-вом в 1929 г. будет дана возможность приобрести первые два тома (4 книги, включая биографию, ром. „Морской волк“, повесть „Дорога“ и „Расск. рыбацкого патруля“) соч. Дж. Лондона за небольшую доплату (около 1 р.).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ ВО ВСЕ МЕСТНОСТИ СССР:

1-й АБОНЕМЕНТ:

на 10 м. — 5 р. 20 к., на 6 м. — 3 р. 25 к., на 3 м. — 1 р. 75 к., на 1 м. — 60 к.

2-й АБОНЕМЕНТ:

(с приложением Дж. Лондона) на 10 мес. 9 р., на 1 мес. — 1 р.

Для подписчиков по 2-му абон. (при усл. подл. НЕПОСРЕДСТВЕННО из Изд-ва) предоставляется РАССРОЧКА: при подписке — 5 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сентября — 2 р.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ (ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ): Москва, центр, Ильинка, 15, Акц. Изд. О-ву „ЗИФ“.

приходилось пополнять знания юноши. Он забрасывал ее вопросами: почему одни люди одеваются хорошо, а другие плохо, одни живут в роскошных домах, похожих на дворцы, а другие в лачугах. Что такое деньги, откуда их получают...

Гуттиэрз объяснял ему все это, открывая новый мир, — мир человеческой борьбы. Он знал уже, чем вызывалась эта смертельная борьба плохо одетых людей с богатыми, и в его детски-простой несложной натуре загоралась ненависть к угнетателям.

Иногда они засиживались на берегу довольно поздно. У ног шумел прибой. Мерцали звезды. Разговор умолкал. Ихтиандр брал руку Гуттиэрз и был счастлив.

— Пора идти, — говорила девушка.

Ихтиандр неохотно поднимался, провожал ее до предместья, потом быстро возвращался, сбрасывал одежду и уплывал к себе. Утром, после завтрака, он брал с собой большой белый хлеб и отправлялся в залив. Усевшись на песчаном дне, он начинал кормить рыбок хлебом. Они приплывали к нему резвой толпой, окружали роем, скользили между рук и жадно хватали ротиком размокший хлеб, прямо с ладони юноши. Иногда крупные рыбы, привлеченные скоплением мелкой, врывались в этот рой и гонялись за маленькими. Ихтиандр поднимался, отгонял хищников руками, в то время как маленькие рыбки скрывались за его спиной, как за надежной защитой.

К Ихтиандру вернулось душевное спокойствие. Его светлая радость омрачалась только мыслью о том, что Гуттиэрз живет в городе, среди злых и жестоких людей. Если бы и она могла жить под водой, вдали от шума и людей... Какое это было бы счастье!.. Он открыл бы ей новый, неведомый мир, — собирал ей прекрасные цветы подводных полей, засыпал ее жемчугом...

Но для нее это невозможно. А он не может жить на земле. Он и так проводит на воздухе больше, чем позволяет его организм. И для Ихтиандра это не проходит даром: все чаще и сильнее начинали болеть его бока в то время, как он сидел с девушкой на берегу моря. Иногда эта боль становилась нестерпимой, но он молча переносил страдания. Он предпочел бы скорее задохнуться, чем оставить ее прежде, чем уйдет она сама. И еще одно беспокоит Ихтиандра: бессознательная ревность, которую возбудил в нем белокурый великан. Ихтиандр каждый раз, спе-

ша на свидание, решает, что сегодня он непременно спросит Гуттиэрз о своем сопернике, и каждый раз эта решимость тает, когда он заглянет в ее ласковые, синие глаза, и он удерживает готовый сорваться с уст вопрос, боясь оскорбить ее незаслуженным подозрением...

Как-то вечером девушка сказала Ихтиандру, что завтра она не придет.

— Почему? — спросил он, нахмурившись.

— Я занята.

— Чем?

— Нельзя быть таким любопытным, — ответила девушка и, ослепив его своей улыбкой, добавила.

— Не провожайте меня! — ушла.

Все подозрения вновь вспыхнули в душе у Ихтиандра. Он погрузился в море и, мрачный, пролежал всю ночь на штифтах камней, а на рассвете поплыл к себе. Поднявшись на поверхность невдалеке от залива, он увидел ужасную картину. Как-то люди стреляли с лодок в дельфинов. Большой дельфин, раненый выстрелом, высоко подпрыгнул над водой, помотал головой и тяжело опустился.

— Лининг! — с ужасом прошептал Ихтиандр.

Один из ловцов уже прыгнул с лодки в море и выжидал, когда раненое животное всплывет на поверхность. Но дельфин вынырнул почти в ста метрах от лодки и, тяжело отдышавшись, опустился вновь под воду. Ловец быстро плыл к дельфину. Ихтиандр поспешил на помощь к другу. Вот дельфин еще раз вынырнул, и в этот самый момент ловец схватил дельфина за плавник и потащил обессиленное животное к лодке. Ихтиандр, плывя под водой, нагнал их и запустил свои крепкие зубы в икру ловца. Ловец подумал, что его ухватила акула и отчаянно задергал ногами. В то же время он опустил в воду руку, вооруженную ножом, и наудачу полоснул врага. Нож поранил Ихтиандру шею, не прикрытую чешуей. Ихтиандр выпустил ногу ловца, который быстро поплыл к лодке. Раненые дельфин и Ихтиандр направились к заливу. Юноша приказал дельфину следовать за собой и нырнул в подводную пещеру, залитую только до половины водой. Через расщелины сюда проникал воздух. Здесь дельфин мог отдышаться в безопасности. Ихтиандр осмотрел его рану. Она была неопасна. Пуля попала под кожу и застряла в жире. Ихтиандру удалось извлечь пулю пальцами. Дельфин терпеливо перенес эту операцию.

— Живет, — сказал Ихтиандр, ласково хлопнув по спине животного.

Теперь надо было подумать и о себе. Ихтиандр быстро проплыл по подводным туннелям, поднялся на поверхность и вошел в белый домик.

Кристо ахнул, увидев своего питомца окровавленным.

— Что с тобой?

— Меня ранили охотники, когда я защищал дельфина, — сказал Ихтиандр.

Но Кристо не поверил ему. «Как бы его из-за девчонки совсем не убили в городе. Пора этим свиданиям положить конец».

— Опять в городе был без меня? — спросил он подозрительно, перевязывая рану.

Ихтиандр молчал.

— Открой свою чешую пониже, — сказал Кристо и приподнял у плеча чешуйчатую оболочку Ихтиандра.

На плече индеец заметил большое красноватое пятно. Вид этого пятна почему-то взволновал Кристо.

— Ударил вешлом? — спросил он, ощупывая плечо.

Опухоль не было. Очевидно, это было родимое пятно.

— Нет, — ответил Ихтиандр.

Юноша пошел отдохнуть в свою комнату, а старый индеец, поставив локти на колени, подпер голову руками и о чем-то глубоко задумался. Он долго сидел в этой позе, потом вдруг тихо сказал:

— Родимое пятно... неужели это может быть? — поднялся и вышел из комнаты.

Он быстро направился к городу, запыхавшись, вошел в лавку Бальтазара и, подозрительно посмотрев на Гуттиэрз, задумчиво сидевшую у прилавка, спросил:

— Отец дома?

— Там, — кратко ответила девушка, кивнув головой на дверь в другую комнату.

Кристо вошел в лабораторию и закрыл за собой дверь.

Он нашел брата за своими склянками, перемывающим жемчуг и таким же раздраженным, как и в первый раз.

— С ума сойдешь, — ворчал Бальтазар. — Зурита рычит, почему до сих пор ты не приводишь «морского дьявола», Гуттиэрз целый день куда-то шляется, — долго ли девушке в большом городе сбиться с пути? О Зурита она слышать не хочет. Твердит, как ученый популай: «нет, нет!» Зурита говорит: «Возьму, да увезу ее силой. Поцарапается как кошка, и обойдется». И от него это станет. Они считают, что с индей-

ской девушкой все можно, и в ответе не будешь.

Кристо выслушал жалобы брата и потом сказал, называя его индейским именем.

— Слушай, Каранчо ¹⁾. Я не мог привести «морского дьявола» потому, что он, как и твоя Гуттиэрэ, часто уходит из дома. Вернется Сальватор,— ох, будет мне плохо, если только до этого времени мы не выкрадем Ихтиандра. Но только с этим надо подождать...

— Пока придет Сальватор?

— Пока он не приехал. Дело может принять совсем другой оборот, Каранчо... — Кристо вздохнул, как бы не решаясь высказать свой план.

— Видишь ли... — начал он.

Но в этот самый момент в лавку кто-то вошел, и они услышали громкий голос Зурита.

— Опять он! опять, слышишь? — зашипел Бальтазар, бросая жемчуг в ванну.

А Зурита уже с треском раскрыв дверь и вошел в лабораторию. Усы его были закручены вверх, но

— Значит, надо спешить. Ждите гостей. Я подобрал надежную компанию. Головорезы — первый сорт. Ты нам откроешь двери, Кристо, а в остальном я сам справлюсь. Когда все будет готово, я скажу Бальтазару. И чтоб у меня... понимаешь? Ну — то-то! — И сбернувшись к Бальтазару, он сказал: — А с тобой я еще завтра переговорю. Но только помни, что это будет наш последний разговор.

Оба брата молча поклонились. Когда Зурита повернулся к ним спиной, любезные улыбки сошли с лиц индейцев. Бальтазар тихо выбранился, Кристо, шевеля губами и нахмурившись, что-то обдумывал.

Ловец подумал, что его ухватила за ногу акула, и, задержав ногами, он наудачу подоспел к морскому подводному врагу...

Слышно было, как Зурита в лавке о чем-то тихо говорил с Гуттиэрэ.

— Нет! — твердо ответила она.

Бальтазар сокрушенно качнул головой.

— Кристо! — крикнул из лавки Зурита, — иди за мной, ты мне сегодня будешь нужен.

VI. Брак по расчету.

взгляд — тяжелый и тусклый, как будто он не спал всю ночь.

— Оба братчика здесь. Вы долго меня за нос водить будете? — спросил он, переводя свои глаза с Бальтазара на Кристо.

Кристо поднялся и, любезно улыбаясь, сказал:

— Стараясь, дон Педро. Что делать? Этот «морской дьявол» — не простая рыбка. Никогда его из своего омута не выгонишь. Раз было привел, — вас не было; посмотрел «дьявол» город, не понравился ему, и теперь больше не хочет идти.

— Не хочет, не надо. Мне надоело ждать. На этой неделе я двух зверей сразу убую. Сальватор еще не приехал?

— Ждем.

Ихтиандр чувствовал себя очень плохо. Его лихорадило. Рана на шее болела. Вдобавок, он начал все больше задыхаться на воздухе. Несмотря на это недомогание, утром он отправился к скале в надежде увидеть Гуттиэрэ. Она пришла в полдень. Стоял палящий зной. Раскаленный воздух обжигал легкие Ихтиандра. От мелкой белой пыли перехватывало дыхание. Ему хотелось остаться на берегу моря. Но Гуттиэрэ сказала, что сегодня она не может быть с ним долго.

— Отец идет в город по делам, и я должна сидеть в лавке.

— Тогда я провожу вас, — сказал юноша, и они пошли по накатанной

пыльной дороге по направлению к городу.

Навстречу им, низко опустив голову, шел Ольсен. Он был так озабочен, что не заметил Гуттиэрэ и прошел мимо. Но девушка окликнула Ольсена.

— Мне нужно сказать только два слова, — сказала Гуттиэрэ, обращаясь к Ихтиандру, и, повернув назад, нагнала Ольсена и начала о чем-то тихо и быстро говорить с ним, как будто упрямившая его.

Ихтиандр шел в нескольких шагах позади них.

— Хорошо, сегодня после полудня, — услышал он голос Ольсена.

Великан пожал руку девушки, кивнул головой и быстро продолжал путь. Когда Гуттиэрэ подошла к Ихтиандру, у него горели щеки и уши. Ему хотелось, наконец, поговорить с Гуттиэрэ об Ольсене, но он не находил слов.

— Я не могу, — начал он, задыхаясь, — я должен узнать... Ольсен... вы скрываете от меня какую-то тайну. Он назначил вам свидание ночью. Вы любите его?

Гуттиэрэ взяла Ихтиандра за руку, ласково заглянула в глаза и, улыбаясь, спросила:

— Вы верите мне?

— Я верю... вы знаете, я люблю вас, — теперь Ихтиандр знал это слово, — но я... я так невыносимо страдаю...

Это была правда. Ихтиандр страдал от ревности, но в эту минуту страдал и физически. Он чувствовал в боках режущую боль, — как будто в его тело вонзили десяток ножей, — он все более задыхался. Румянец сошел с его щек, и теперь лицо его было бледно.

— Вы совсем больны, — с беспокойством сказала девушка. — Успокойтесь, прошу вас... Милый мой мальчик! — и она быстро прикоснулась своей щекой к его щеке. — Я не могла сказать вам всего потому, что это тайна, которая касается других. Но, чтобы успокоить вас, я скажу. Вам можно доверять. Слушайте.

Какой-то всадник промчался мимо них, но взглянув на Гуттиэрэ, круто остановив лошадь, повернул назад и подбежал к молодым людям. Ихтиандр увидел немолодого человека, с пушистыми, закрученными вверх усами и небольшой эспаньолкой ²⁾. Всадник похлопал хлыстом по сапогу, подозрительно и враждебно осматрел Ихтиандра и подал

¹⁾ Каранчо — хищная птица.

²⁾ Борода, остриженная на особый манер, изобретенный в Испании. (См. рисунок).

руку Гуттиэрэ. Поймав руку девушки, он неожиданно приподнял девушку к седлу, громко поцеловал руку и рассмеялся.

— Попалясь! — и опустив руку нахмурившейся Гуттиэрэ, он продолжал насмешливо и в то же время газдаженно.

— Карамба! Где же это видано, чтобы невесты накануне свадьбы, разгуливали с молодыми людьми?

Глаза Гуттиэрэ гневно вспыхнули, но он не дал ей говорить.

— Отец давно ждет вас. Я буду в лавке через час.

Но Ихтиандр уже не слышал последних слов. Он вдруг почувствовал, что в глазах его потемнело, какой-то ком подкатил к горлу, дыхание остановилось... Он не мог больше дышать на воздухе. С последним усилием воли, Ихтиандр сорвался с места, побежал к берегу и бросился в море с крутой скалы.

Гуттиэрэ вскрикнула, в отчаянии схватила за грудь и пошатнулась. Потом она обратилась к Педро Зурита — это был он:

— Скорее... спасите его!

Но Зурита не шевельнулся.

— Я не имею обыкновения мешать другим, — сказал он насмешливо.

Гуттиэрэ побежала к берегу с явным намерением броситься в воду. Но Зурита прищипил лошадь, нагнал девушку, схватил за плечи, втащил на коня и поскакал на дорогу.

— Я не имею обыкновения мешать другим, если другие не мешают мне. Вот так-то лучше. Да придите же в себя, Гуттиэрэ!

Но потрясенная Гуттиэрэ склонилась голову и лежала без чувств. Только у лавки отца она пришла в себя.

— Кто был этот молодой человек? — спросил Педро.

Гуттиэрэ посмотрела на Зурита с нескрываемым гневом и ненавистью и сказала:

— Отпустите меня!

Зурита усмехнулся. «Детское увлечение, — подумал он. — Герой ее романа кончил жизнь самоубийством от безнадёжной любви. Тем лучше: он не опасен. — И обратившись к лавке, Зурита крикнул:

— Отец! Бальтазар! Эй-эй!

Бальтазар выбежал.

— Получай твою драгоценную жемчужину. И благодари меня. Я спас твою дочь, она едва не бросилась в море вслед за молодым человеком приятной наружности. Каково? Я преду через час. Помни наш разговор!

Бальтазар, униженно кланяясь, принял от Педро дочь.

Всадник кивнул головой, прищипил коня и уехал.

Отец и дочь вошли в лавку.

Гуттиэрэ, без сил, опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Бальтазар прикрыв выходную дверь и, расхаживая по лавке, начал взволнованно и горячо говорить. Но он напрасно тратил свое красноречие. С таким же успехом Бальтазар мог бы проповедывать засушенным крабам и морским ершам, лежавшим на полках.

Гуттиэрэ была погружена в свои мысли.

«Он бросился в воду! — думала девушка, вспоминая лицо Ихтиандра, искаженное страданием. — Несчастный! Ревность погубила его... Сначала Ольсен, потом эта нелепая встреча с Зурита... Но ведь я не могла сказать Ихтиандру про Ольсена... А Зурита? Как смел он называть меня невестой?.. Теперь все погибло... Бедный, бедный мальчик...»

И Гуттиэрэ залилась слезами. Она любила Ихтиандра, — застенчивого, детского простого, так же похожего

на самодовольных, гордых и заносчивых сыновей городской знати.

Любила впервые, — со всею свежестью и горячностью чувства. «Что же делать дальше? — думала она. — Последовать примеру Ихтиандра? Броситься в море? Покончить с собой?»

А Бальтазар все продолжал говорить:

— Ты понимаешь, Гуттиэрэ. Ведь это будет полное разорение. Все, что ты видишь в этой лавке, принадлежит Педро Зурита. Моего товара тут не наберется и десятой доли. Весь этот жемчуг мы получаем на комиссию от дон Педро. И он сказал мне, что если ты откажешься ему сегодня, — в последний раз, — он отберет весь товар и со мной больше не будет иметь дела. Ведь это разорение! Полное разорение!

Понемногу слова отца начали проникать в сознание Гуттиэрэ. И старый индеец очень обрадовался, когда дочь вышла, наконец, из своей задумчивости и задала ему практический вопрос:

— А на какую сумму здесь будет товару?

— Тысяча на десять, а может, и на пятнадцать золотых пезо.

Гуттиэрэ опять задумалась. Она вспомнила об Ольсене. В ее голове созрел новый план. «Уж если жертвовать собой, то надо дорого продать себя», — подумала она, и вдруг, поднявшись, сказала:

— Я согласна.

— Ну, вот и отлично! — воскликнул обрадованный и удивленный Бальтазар, счастливо улыбаясь. — Я же знал, что ты у меня умница, хотя и своенравная, как...

— Но я ставлю одно условие.

— Какое? — насторожился Бальтазар.

— Об этом я скажу жениху.

Когда Зурита явился, Гуттиэрэ сказала ему, гордо подняв голову:

— Дон Педро Зурита! Я согласна быть вашей женой. Но ответьте мне, сможете ли вы содержать достойным образом красавицу-жену? Не делайте таких удивленных глаз. Если все знают, что я красива, почему бы мне самой не знать об этом и не ценить красоту? Я люблю драгоценности. Я люблю жемчуги и изумруды...

— Я озолочу вас, осыплю жемчугом и изумрудами, — сказал Зурита.

— Посмотрим. Но это не все. Я требую от вас приданого.

Эти слова заставили изумиться не только Зурита, но и Бальтазара. Он

Зурита нагнал девушку, втащил ее на коня и поскакал по дороге...

впервые сделал неожиданное и приятное для него открытие, что его дочь такая практичная.

— Все, что имеется в этой лавке, — продолжала она, обращаясь к Зурите, — вы дарите мне сейчас же, до брака. Половину я отдаю отцу, а половину беру себе.

Зурита не мог подавить невольного восклицания. Подарить до брака! Это было гораздо хуже, чем обещать золотые горы после женитьбы.

— Кроме того, — продолжала девушка, — вы наполните лавку новым товаром на прежних, комиссионных условиях и будете продолжать дело с отцом. Но вы, кажется, недоволь-

ны? Вы колеблетесь? Как же я могу поверить вам, если уже сейчас...

— Я не колеблюсь, — ответил Зурита, едва сдерживая раздражение. — Вы не поняли меня, во мне говорит не скудость, а удивление. Признаться, я не ожидал встретить такую... э-э... практичность в столь молодой и прекрасной особе...

— Время не ушло, можете отказаться от сделки, — ответила девушка, делая ударение на слове «сделка».

— Я согласен.

— Отлично. Сегодня вечером я очищу лавку от товара. Завтра утром вы наполните ее новым, и я — ваша.

Зурита вышел от невесты в полном смнении. Желание иметь Гуттиэра своей женой и жадность к деньгам вели в нем жестокую борьбу. Он призывал в свидетели пресвятую мадонну и тысячу чертей, что никогда не встречал подобной женщины. В конце концов, он успокоился на том, что отыгрывается на «морском дьяволе».

А Гуттиэра высыпала из ящиков в холщевые мешочки жемчуг, половину сложила в корзину и ночью, когда отец уснул, тихо вышла из лавки и отнесла свою половину «приданого» Ольсенеу.

(Продолжение в след. №)

АЛАЯ ТУНДРА

Революционно-краеведческий рассказ Н. Кузнецова

Испокон веков обитали лопари в тундре, занимаясь оленеводством, звериным промыслом и рыбой ловлей в глубоких прозрачных озерах. Это было мирное племя, вся воля которого была направлена на поддержание скудной жизни и на борьбу с суровой природой. Единственным помощником лопарю в этой борьбе был олень.

Подобно верблюду, кораблю знойных пустынь, олень был кораблем суровых тундр, и без него здесь была бы невозможна человеческая жизнь. Он — единственное и притом идеальное, в своеобразных условиях тундры, средство передвижения; он кормит, поит и одевает обитателя тундры, отепляет его жилище. Отсюда и привязанность лопаря к оленю.

В 1914 году грянула мировая война. Казалось бы, что тундру, далекую и оторванную от всего мира, минуют все ее ужасы, но на ее долю выпало тяжелейшее испытание.

Началось с 1916 года, когда была объявлена мобилизация оленеводов для перевозки военных грузов. Всего было мобилизовано шесть тысяч оленей, полторы тысячи саней. К первому апреля половина оленей погибла от переутомления и недостатка корма, и этот день лопари отметили трауром в своей памяти.

Затем настал 1919 год — империалистическая интервенция. Наступили тяжелые и кровавые дни: пришельцы хозяйничали в тундре, как в побежденной стране. Тысячами гибли олени под ножом мясников, чтобы накормить незваных гостей и их союзников — белогвардейцев, и тундра потеряла половину довоенного состава в своих оленьих стадах. Плач и стон стояли над тундрой. Обитате-

лям ее грозила неминуемая голодная смерть.

Доведенные до отчаяния лопари угнали остатки стад вглубь страны, на верховья реки Поноя, куда европейцы и думать нечего было проникнуть, а часть их взялась за оружие.

Однако сами лопари, мирные от природы, были неспособны организовать не только нападение, но и простую оборону. Отличные стрелки, как все охотники, и неплохие воины, они очень незлобивы и, одержав победу, не преследуют противника с целью уничтожения. Им требовался вождь — решительный и властный.

Такой вождь нашелся в лице полулегендарного Эван-Каина (Ваньки-Каина, как называли его белогвардейцы), и, таким образом, родилась лапландская партизанщина, испортившая немало крови захватчикам.

Суровый климат, особенности рельефа местности и полнейшее бездорожье приковали врагов к узкой железнодорожной полосе. В беспросветные полярные ночи, под вой жестокой морянки, дующей с океана с силой шторма, налетали партизаны на станции и, посеяв панический страх в белогвардейском стане, так же внезапно исчезали в белом хаосе тундры.

Всякая попытка преследовать их или проникнуть вглубь тундры с карательными целями жестоко наказывалась самой природой, и белые снега Ловозерских и Хибинских тундр стали последним погребальным саваном для многих белогвардейцев. Для партизан же тундра была родной стихией.

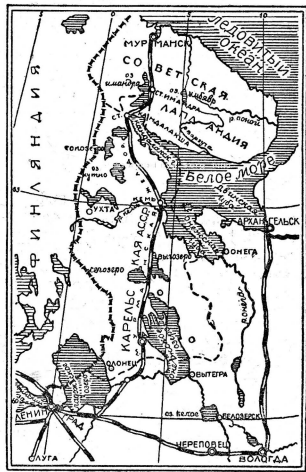
После полугодовой бесплодной борьбы с таким противником и с природой, которая являлась могучим и страшным союзником партизан, англичане пришли в безнадежное от-

чаяние, и британские войска были отозваны.

Лишенный поддержки, белый фронт стал быстро разваливаться, и, спустя еще полгода, белые принуждены были покинуть Архангельск. Они думали, сократив протяжение фронта, удержаться в Лапландии. Но Мурманское восстание и захват самого Мурманска решили судьбу немногочисленной лапландской группы белых войск, и она должна была спастись в Финляндию, потеряв три четверти своего состава.

Гражданская война на севере была закончена...

Настоящий рассказ является одним из эпизодов лапландской партизанщины, которая в свое время, отнесенная на задний план другими, более близкими и грозными событиями, прошла незамеченной.

Карта Карельской АССР и Советской Лапландии.

* *

— Вот, ваше высокоблагородие, лопарь, который может доставить письмо господину поручику, — проговорил заискусующие Опенкин.

Толстый полковник вскинул на Мыклу ¹⁾ узенькие щелки свиных глаз и гнусяво проговорил:

— Ну-ф, ну-ф, подойди поближе, голубчик!

Мыкла нехотя подошел к столу и сбросил с плеча меховую робу ²⁾.

— Можешь отвефти пифьмо в Тульилухт ³⁾ к поручику Петров-фкому? — вскинув очки на потный и мясистый лоб, прогнусавил полковник.

— Отчего же, можно, — словно нехотя ответил Мыкла.

— Только фмотри, фукин фын, — забурчал снова полковник. — Ефли что, мы тебя подвефим на первой фюфне.

Мыкла ничего не ответил и, переступая с ноги на ногу, принялся равнодушно осматривать комнату.

У окна, уставившись немигающими глазами в небо, на котором играло северное сияние, стояла долговязая фигура во френче и широких брюках защитного цвета, которые были заправлены в желтые краги ⁴⁾.

Фиолетовые и оранжевые полосы, словно снег, извивались и дрожали в небе и вдруг вспыхивали огромным багровым полотнищем, по которому взлетали огненные шары. Взлетев, они долапались, рассыпаясь миллиардами цветных осколков, и не успели они погаснуть, как взлетали и рассыпались новые, отчего небо беспрестанно полыхало разноцветным заревом.

— Фэр Хавелок, — проговорил полковник, повернувшись к фигуре всем корпусом, при чем стул жалобно заскрипел под ним, — вот эта каналья говорит, что может дофтайти пифьмо в Тульилухт.

— Уес ⁵⁾, — отозвалась фигура, не отрываясь от окна.

— Тогда надо напифать пифьмо фэру Мак-Доуэлю, чтобы он захватил оленей на Вудявре ⁶⁾, — снова загнусавил полковник.

Англичанин обернулся, пожал плечами и подошел к столу. Взяв перо, он обмакнул его в чернильницу и

стал быстро водить по бумаге. Толстый полковник облегченно вздохнул, бережно принял исписанный листок бумаги, вложил его в конверт и подал Мыкле...

Выйдя от полковника, Мыкла облегченно вздохнул.

— Толстый пайк ⁷⁾, — изредка слышалось его ворчанье.

Он направился по станционному поселку к чайной, где оставил своих оленей...

Перед чайной стояло десятка полтора саней; около них, под охраной собак, позвякивая колокольцами, стояли и лежали олени, melancholично пережевывая ягель ⁸⁾. Двери чайной то-и-дело хлопали и выпускали окутанных паром лопарей, выходивших наружу посмотреть за оленями.

Мыкла подошел к своим саням. Лежавший передовой олень поднялся на ноги и ткнулся влажным носом в его руку.

— Ну, ну, Пинк! ⁹⁾ Чего ты? — ласково проговорил он и потрепал животное по мягкой морде.

Олень посмотрел на него голубыми, как весеннее небо, глазами и лизнул руку хозяина шершавым языком. Тронутый такой лаской, Мыкла наклонился и поцеловал его в лоб, потом, сняв с саней рову с ягелем, развязал ее и положил на снег. Все четыре оленя потянулись мордами к мешку и принялись аппетитно жевать мох. Послушав с минуту их чавканье, Мыкла повернулся и вошел в чайную.

Низенькая, закоптелая комната чайной была битком набита лопарями, оравшими во всю глотку.

— Садись к нам, Мыкла! — кричали разом за несколькими столами. — Почему продали оленей?

— Я ничего не продавал, — неохотно отозвался Мыкла.

⁷⁾ Пайк — свинья.

⁸⁾ Ягель — белый мох, олений корм.

⁹⁾ Пинк — ветер.

— А мы продали. Только Рошакский совсем ограбил нас, — заговорил старый Прокоп Чупров, — за моих хирвасов ¹⁰⁾ рассчитал по пятьсот рублей, когда самый паршивый пуаз ¹¹⁾ стоит теперь две тысячи.

— А ты бы не продавал, — усмехнулся Мыкла.

— Как же тут не продашь, — сокрушенно мотнул головой Прокоп. — Пришли солдаты с ружьями, забрали оленей и дали квитанцию. Вон у Васки Ротчева взяли двести голов на Вудявре, и то молчит.

Молодой лопарь подошел к Мыкле и отвел его в сторону.

— Слыхал ты, что на Паромчорре собрались двадцать шесть человек Эван-Каина? — шопотом проговорил он. — Белые собрали на Тульилухте триста голов. За племенного хирваса платят пятьсот рублей. Совсем ограбили бедных оленей.

— Мы не отдадим им оленей, Левк, — проговорил Мыкла решительно.

Хлопнула дверь, и в чайную вошел Опенкин. Он был одет по-дорожному — в пимах и малице, на голове вместо лопарского капера ¹²⁾ была надетая щегольская финка, за спиной на ремне болтался английский карабин. Оглядевшись, он подошел к Мыкле и спросил:

— Ты отвезешь меня на Вудявр? — Мне на Вудявр не по пути, я еду Дуидичиком, а потом Майвальтой ¹³⁾, — хмурился ответил Мыкла.

— Пустое, брат, дашь немного кроку, — успокоил его Опенкин. — Ничего не поделаешь. Раз Рошакский приказал, стало быть, надо ехать.

¹⁰⁾ Хирвас — племенной олень.

¹¹⁾ Пуаз — олень.

¹²⁾ Пима — валеная обувь. Капер — меховая шапка, пришиваемая к воротнику шубы-малицы.

¹³⁾ Реки. Дуидичик впадает в оз. Имандр, Майвальта в Умпявр. Иок — вообще река.

Условные обозначения:

1. Место гибели отряда Вурчаса.
2. Место гибели отряда Пешорского.
3. Вежа на пути Тульилухт.
4. Место происхождения оленей стада поред Эваном.
5. О. Вудявре — стадо оленей братьев Сорвановых.

Цептир — путь оленей стада братьев Ротчевых, Сорваных и Галина к Сейтиру. Пуэтир — в точку — в путь Мыкла на Тульилухт.

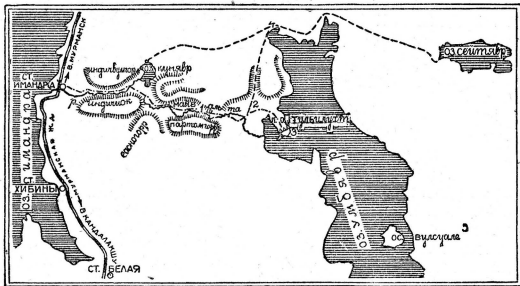

Схема местности действия в рассказе.

¹⁾ По-лопарски — Николай.

²⁾ Роба — мешок.

³⁾ Низкий песчаный мыс на озере Умпявр в 90 — 100 километрах к востоку от станции Имандра.

⁴⁾ Краги — кожаные голенища, надеваемые к ботинкам.

⁵⁾ Да!

⁶⁾ Небольшое озеро в 20 — 22 км от ст. Имандра.

* * *

Олени Мыкла неслись стрелою. Быстро миновали поселок, скатились под гору к реке, и в глазах у Оленкина зарыблили придорожные сосны. Впереди оленей бежали собаки. Над пеленою тундры спускалась полярная ночь. В ясном и темном небе зажигались низкие и крупные северные звезды. Было тихо, лишь сосны потрескивали от мороза, да шумела глека, катясь по каменистому дну глубокого ущелья...

Мыкла ехал, напевая какую-то лопарскую песню. Оленкин, смотря на его широкую спину и развевающуюся от быстрого бега саней шерсть шубы, опасливо думал: «Вот попадешься такому лешему в лесу, ничего с ним не сделаешь» — и, сняв с плеча карабин, положил его на колени.

Уклонясь от удара, Оленкин выпал из саней и покатылся по крутому косогору к реке...

— А дорогу ты хорошо знаешь? — спросил он. — Что-то мне помнится, будто эта гора была с левой стороны!

— Это Расночорр-то? — усмехнулся Мыкла пренебрежительно. — Она уже тысячу лет, как все на одном месте стоит. Не бойсь, лопин не собоется в тундре с пути...

Луна выглянула из-за обрывков туч, и стало светло. Олени, расплываясь по снегу, понеслись еще быстрее. Впереди них попрехнему бежали собаки. Вдалеке послышался их злобный и залихватый лай.

— Не медведь ли? — забеспокоился снова Оленкин.

— Нет, он на дорогу не выйдет. Лай быстро приближался, становился все злее и неистовее. Наконец, они остановились, и Мыкла соскочил с саней.

— Чорт, чорт... — донеслась до Оленкина сердитая ругань Мыкы.

— Чего ты там ругаешься?

— Посмотри сам, — вместо ответа ткнул Мыкла пальцем по направлению корявой сосны...

1) Гора в 15 км к востоку от Имандры; чорр — гора

На длинной веревке медленно повертывалось колеблемое ветром человеческое тело, на снегу валялась шапка и малица. Мыкла посмотрел в лицо человеку и вскрикнул:

— Спиридон! — потом наклонился, поднял малицу и шапку.

У пояса повешенного Оленкин увидел большое белое пятно. Это был клочок бумаги. Сорвав его, он при лунном свете легко прочел крупную четкую надпись:

Так поступило со всеми большевиками и теми, кто помогает им бороться против законной власти.

Поручик Петровский.

— И поделом. Не бунтуй! — проговорил Оленкин.

Мыкла посмотрел на него, но ничего не ответил. Он бережно снял труп, положил его на землю и при-

вежи, а в них расположился реквизиционный отряд лейтенанта Мак-Доуэля и поручика Петровского.

В самой большой веже за столом, на складном стуле, сидит поручик Петровский; против него, на табурете, отрядный фельдфебель — подпрапорщик из сверхурочных — Бурчак. Лицо у Бурчака — точно печеное яблоко, глаза бесцветные, судачьи, нос щиплячий, на губах тараканы усики торчком, жесткие, как иголки у ежа. На столе пустая бутылка из-под выпитого коньяку.

— Не извольте беспокоиться, — рапортует Бурчак. — Здесь триста голов, да у Вудявра столько же собрано. Хватит...

В вежу вошел солдат, подталкивая лопаря.

— Нарочный от полковника Рощаковского.

Лопарь вытащил из-за пазухи примятый конверт и подал его поручику. Поручик вскрыл конверт и, прочитав содержимое, сердито плюнул и выругался.

— Ты знаешь здешние места? — обратился он к Мыкле.

— Знаю.

— Можешь провести нас на острова и к Сейтявру?

— Отчего не провести, только вот озером надо дорогу посмотреть, потому здесь никто не ездит, и во льду могут быть полыньи, в озере вертунсы есть, а они никогда не замерзают.

— Ну, так валяй, завтра с утра ищи дорогу. Завтра я отправляю на станцию подпрапорщика с оленями, а сам послезавтра выступаю с англичанами дальше на острова за оленями. Если окажешься хорошим проводником, можешь здорово заработать. Понял?

— Понял.

— Ну, вот и отлично. Можешь идти.

Из вежи Мыкла вышел, скрывая на лице улыбку...

* * *

На целую версту растянулся отряд, медленно двигаясь вверх по реке Майвальте к тесному ущелью Партомчорра. Впереди, на лыжах, Алексей Сорванов с собаками, за ним гуском полсотни оленей, за оленями, на санях, изрядно подвыпивший Бурчак, потом опять олени, и шестие замыкает Григорий Галкин с собаками. По бокам на лыжах идут солдаты.

Пройдя к полдню верст около двадцати пяти, отряд втянулся в ущелье. Из-за высокой скалы вышел человек, поправил лыжи и камнем скатился

* * *

На целых шесть верст вдвинулся в синие воды Умпявра плоский песчаный мыс. На самом краю мыса из вершин остроконечных снеговых сугробов тонкими воронками струится в серое небо дым. Это лопарские

Поручик поднял руку, эхо подхватило сухой звук выстрела, и солдат, охнув, ткнулся головой в снег.

по крутому откосу прямо под ноги Сорванову.

— Гони, Алексей скорее! — крикнул человек и скрылся в придорожном ельнике.

Алексей улыбнулся, и лыжи быстрее заскользили по крепкому насту. Никто, кроме него, не видел этого человека.

Когда сани, на которых ехал Бурчак, поровнялись со скалой, по тундре прогремел одинокий выстрел, и подпрапорщик, охнув, как куль скатился в снег, а олени с испугу метнулись в сторону. Двое солдат бросились на лыжах догонять их, но опять прогремел выстрел, и передний солдат, взмахнув руками, ничком ткнулся в снег. Испуганные выстрелами олени разбежались кто куда, за ними бежали солдаты, скользя на лыжах.

Двадцать черных точек разом скатились с крутого косогора к дороге и окружили солдат, которые, побросав ружья, стояли, подняв вверх руки.

— Подберите ружья! — крикнул молодой человек в финке и, обратившись к солдатам, проговорил: — Снимай, ребята, подсумки!

Солдаты послушно исполнили приказание.

— Что ты думаешь делать с ними, Эван? — указал Мыкла на солдат высокому человеку в финке. — Убьешь?

— Зачем зря тратить патроны, отберу лыжи и отпущу. Все равно без лыж нигде не уйдут, — и, обращаясь к Галкину, крикнул: — Гони оленей к Сейтявру!

Скоро олени, собранные собаками, повернули на север, и лопари, отбрав у солдат лыжи, пошли вслед за ними.

Эван сел в сани. Мыкла легонько ударил хореом¹⁾ в зад Пинка, и сани понеслись, скрываясь в снеговом море...

Мыкла дал крюку и приехал на Тульлухт со стороны озера. Сделал он это для того, чтобы белые, увидев его, подумали, будто он возвращается с поисков дороги.

— Ну, нашел дорогу? — спросил его поручик.

— Как не найти. Лопин всегда найдет в тундре пути, — самоуверенно ответил Мыкла, — только дорого больно плохо. Ночью по ней не пройдешь, снег сухой, как песок, на лыжах трудно идти.

— А это кто с тобой? — спросил поручик, показывая на Эвана.

— Так, лопин, один знакомый, с Поноя, — ответил Мыкла и прибавил, помолчав с минуту: — Надо будет лыжи смазать, а то по сухому снегу не пройдешь...

— Мажь, сколько тебе влезет, — усмехнулся поручик и крикнул рябому унтер-офицеру: — Эй, Юденко! Прикажи-ка снести в лопарскую вежу все лыжи, пуская они их смажут. Завтра утром в поход...

До позднего вечера мазал Мыкла лыжи. Работал не торопясь, все ждал, когда уйдут солдаты и Юденко, которые пробовали чуть ли не каждую

1) Хорей — шест, при помощи которого лопари управляют оленями.

смазанную пару. Когда солдаты вынесли последнюю пару, Мыкла спросил Эвана:

— Как же мы возьмем лыжи?

— А вот как, — ответил, не задумываясь, Эван. — Ты пойдешь к поручику доложить, что закончили работу, а я тем временем уложу все лыжи на твоих санях и уеду. У выхода с Тульлухты, где большой камень, — мои люди. Понял?

* *

Скрытые густым ельником, Эван и Мыкла стояли у огромной гранитной глыбы, наблюдая, как с Тульлухты вытянулся англо-белогвардейский отряд. Впереди шел Юденко с двумя солдатами, утопая выше колен в глубоком, рыхлом, как песок, снегу. Поручик шел рядом с английским офицером. У него в руках были планшет²⁾ и компас. Ветер стих, и слова отчетливо доносились в ледяном морозном воздухе.

— Направление взято правильное, — говорил поручик, — и если мы будем так двигаться, то на третий день придем на станцию.

— Уес, — проговорил англичанин и вдруг погрузился по пояс в снег.

Поручик бросился на помощь. Они долго барахтались вдвоем в снегу, пока выбрались на тропинку. Отряхиваясь от снега, поручик ругался.

— Подлецы лопари! Попадай они мне теперь, я бы моментально поставил их к стенке.

— Да здесь и стенки-то днем с огнем не найдешь, — злобно отозвался какой-то солдат.

— Что? Поговори еще у меня! На месте расстреляю! — вскипел поручик, выхватив револьвер.

— Всех-то не перестреляешь! — упрямо отозвался солдат, — мы и сами... — но договорить он не успел.

Поручик протянул руку, взвился круглый дымок, эхо подхватило сухой звук выстрела, и солдат, охнув, ткнулся головой в снег.

Солдаты пошли быстрее, но лица у них были хмуры и злобны, только еера, что поручик выведет их из тундры, спасала его от расправы. Медленно двигался отряд, люди шли неохотно, и лопари видели, с какими тяжкими усилиями они вытаскивали ноги из глубокого снега.

Три часа шли лопари вслед за отрядом. Солдаты совершенно выбились из сил в безнадежной борьбе со снегом и холодом, и падали от утомления. Наконец, поручик сам выбился из сил и дал знак сделать привал.

2) Папка с графельной бумагой для левой съемки планов.

Солдаты с радостью остановились и их угрюмые лица на мгновение прояснились. Но утомление было настолько сильно, что сначала они не могли даже есть, и только озирались по сторонам, ища камней или деревьев, чтобы присесть. Но сплошная ровная пелена покрывала тундру.

Начался обед. Ели консервы, запивая их коньяком. Приятная теплота разлилась по всему телу, но эта теплота вызвала истому, которая вместе с усталостью неудержимо клонила ко сну. А сон в тундре был равносильен смерти.

— Сумасшедшие дураки, — прошептал Мыкла, — они заснут и замерзнут.

— Пусть замерзают, — отозвался Эван и вскочил в сани.

Он оставил здесь четырех лошадей, чтобы подобрать оружие, когда замерзнут солдаты, как замерз отряд Бурчака под холодным дыханием морянки, а остальным крикнул:

— Навстречу оленям, белые все равно не воскнут!

* * *

По северному берегу Умпявра, в сорока верстах от Тульилухта, двинулось огромное стадо оленей. Впереди него, как полководец, ехал Алексей Сорванов в легких маленьких «кережках», запряженных одним оленем.

Олени идут гуськом один за другим, по бокам их, распутив по снегу пушистые лисьи хвосты, бегут умные и злые лапландские лайки.

— Сколько у тебя голов, Алексей? — спрашивает Эван.

— Триста сорок, — отвечает Алексей и едет дальше.

Рысью идет стадо. Снег уже сел после морянки, прихватило его лютым морозом, и над ним образовался крепкий наст.

За стадом Алексея ведут триста голов братья Иван и Петр Ротчевы.

— Веди, Иван. Веди, Петр. Веди своих оленей прямо на Сейтявр, — кричит Эван. — Шестьдесят жизней и шестьдесят карабинов заплатили англичане и белые за твоего отца.

Братья Ротчевы машут руками и кричат:

— Спасибо за добрые вести, товарищи!

За Ротчевыми Григорий Галкин собрал десяток доинов, что пасли оленей вокруг Вудявра, и ведет их.

Сам Григорий тоже едет в кережке, полочится по ветру красный флаг, на флаге надпись золотом: «Лай пык мыра пыкобя лах клай»¹⁾.

Полтора часа шли олени, целых полтора часа стояли на камне Эван с Мыклой, провожая их. Когда скрылся последний, Эван обернулся к Мыкле:

— Ну, теперь наше дело, кажется, кончено. Полторы тысячи голов спасли мы в эти дни, завтра они будут уже на Сейтявре, а через два дня на Поное. Там их никакой чорт не достанет...

Узким и тесным ущельем Иидичока быстро несется длинная рада²⁾. В голове ее мчатся легкие санички. На санях Мыкла и Эван.

— Далеко еще до станции? — спрашивает Эван.

— Не, уже близко, — отвечает Мыкла и, показывая хореом в сторону, говорит: — Вот на этой сосне поручик Петровский повесил Спиридона Ротчева.

— Ну, теперь он больше никого не повесит, — усмехнулся Эван.

Миновали гору, и за поворотом в темноте ночи замигали редкие красные огни.

— Ну, вот тебе и станция.

Скоро полсотни саней и человек полтора ста лошадей тесным кольцом обступили Эвана и Мыклу.

Неслышно подъехали лошади к станции, как волки к оленьему стаду,

но и подожгли его. Рыжеватое пламя взметнулось кверху.

Мыкла, не отрываясь, смотрел на горящий дом. От вокзала доносилась беспорядочная стрельба, потом крики, и вдруг он увидел, как в окнах заметались фигуры людей.

Первым выбежал на крыльцо дневальный, но над ухом Мыклы грохнул выстрел, и дневальный свалился с крыльца ничком в снег. За ним выбежали пятеро солдат. Они были в одном белье и без толку заметались по широкому крыльцу. Пять выстрелов свалили троих, двое тотчас же скрылись в горящую казарму. Спусти несколько минут дверь казармы отворилась снова, и уже одетые солдаты с карабинами в руках, один за другим, выбегали на крыльцо. Лопаи по знаку Эвана открыли по ним огонь.

Мыкла приеидился в долговязого худощавого офицера. Он узнал в нем того самого майора, которого видел у полковника, когда тот отправлял его нарочным в Тульилухт. Майор на мгновение приостановился на крыльце, пропускал солдат. Мыкла вскинул свой карабин, взял майора на мушку и выстрелил. Майор покачнулся, словно его кто толкнул, по-

Крыша казармы горела, осветил широкое пространство, по которому метались солдаты, расстреливаемые из темноты лопами.

том, вскинув руки, рухнул с крыльца.

Крыша казармы уже занялась и горела, осветил словно днем широкое пространство, по которому метались солдаты, расстреливаемые скрытыми в темноте лопами.

Влево от Мыклы, за путями, неожиданно вспыхнуло второе, потом третье зарево. Оно быстро разгоралось в ширину. Это посланные Эваном люди подожгли поезд, груженный досками. Мыкле видно было, как по обширному пространству, ярко освещен-

быстро прошли по пустынному мертвому поселку и остановились у длинного бревенчатого здания...

Четверо лошадей, по приказу Эвана, с четырех углов обили дом кероси-

¹⁾ Бедняки всех стран, соединитесь.

²⁾ Упряжка.

шенному уже немигающим светом пожара, метались одинокие черные точки людей. Они размахивали руками и что-то кричали.

Мыкла отлично понимал, что когда пройдут первые минуты паники, солдаты оправятся и сами перейдут в наступление, которое в лагерь, не приученным к правильному бою, не выдержать. Он хотел было высказать свои опасения, как вдруг кто-то толкнул Эвана в бок и побежал к складам, крича своим людям, чтобы они следовали за ним.

Перед складами стояло уже полсотни саней, около них копшились люди, таская мешки с мукой, ящики с сахаром, чаем и консервами. Напротив стоял небольшой низкий дом, окна его были темны, казалось, что в нем никто не живет. Мыкла посмотрел на дом и вдруг крикнул:

— Полковник! Тот самый, что послал меня с письмом в Тульдилухт, — крикнул Мыкла.

Эван бросился к дому, за ним кинулся Мыкла.

Прямо против дверей, у стены, стояла широкая кровать. Свесив голые ноги вниз, сидел на ней толстый человек. Лицо его, круглое, как маслянистый блин, выражало смертельный страх, пухлая рука шарилась под подушкой; он дико озирался на вошедших выпученными глазами. Рядом с кроватью стоял денщик в солдатской шинели, наброшенной прямо на белье и держал в руках сапги.

— Который полковник? — спросил Эван.

— Толстый, — указал Мыкла.

Эван сделал шаг вперед и протянул руку, в которой блеснуло черное дуло «Нагана»...

Грузное тело опрокинулось на спину, и бессильно откинулась голова. В выпученных глазах остановилось выражение ужаса...

Они вышли. Сани уже были нагружены. В ста саженьях от них догорали казармы; со станций, ярко освещенной пламенем горящего поезда, доносилась частая ружейная перестрелка и протяжное зыгивание паровозного гудка.

— Потопорись, товарищи! — крикнул Эван.

— Готово, командир! — разом отозвалось несколько голосов.

Эван пронзительно свистнул. Выстрелы тотчас же стали реже, и черные мохнатые силуэты людей быстро побегали от пожара.

— Едем! — сказал Эван Мыкле.

Сани быстро покатились, за ними вытнулось еще полсотни тяжело нагруженных саней. Минозав поселок, райда остановилась и выстроилась

в два ряда. Со всех сторон к ней подходили люди и рассаживались по саням.

Наконец, громкий голос Эвана спросил:

— Все собрались?

— Да, — ответил голос Корнея. — Только Леонтия нету, П тра Зуйкова нету, Федота Рыбакова нету,

Семена Волкова и Онуфрия Маркелова... Убиты.

Эван крепко сжал кулаки, подумал минуту и крикнул твердо:

— Трогай!

Сани рвануло и понесло. Скоро они скрылись в дрогнувшей мгле полярного утренника, обогранным дымным отблеском пожара...

Наша коза

Забавная история о лекарстве, оказавшемся горше самой болезни

Рассказ Д. Фагана

Говорят, будто этот закон существовал испокон веков, но я узнал об его существовании всего несколько лет назад, в самом конце моей фермерской деятельности.

Он лежал в виде мертвой буквы, по крайней мере в течение половины столетия, до тех пор пока какой-то чиновник-крючкотвор не извлек его из архивной пыли и не вытащил на свет на мое несчастье.

И он вошел в силу, вошел яростно, как бы в отместку за долгое забвение. Шотландский терн, крестовник, дикая груша, дрок и ежевика объявлялись вредными растениями. В особенности преследовал закон ежевику, — и горе тому фермеру, на земле которого окажется хоть один побег этого зловредного представителя растительного царства! Он долго не забудет этого! На него обрушится вся тяжесть забытого закона, который будет преследовать его до тех пор, пока не вымотает из него душу.

Я оказался одной из первых жертв, и был обязан ничтожному кусту ежевики тем, что попался на крючок явившегося ко мне в одно прекрасное утро инспектора. Он нашел порядочный таги побег ежевики в каменистом углу моего фруктового сада, у реки.

Когда взглянул его упал на злополучное растение, все лицо его осветилось злорадной улыбкой.

— Ага! — воскликнул он. — Ежевика!

Это было настоящим праздником для его инспекторского сердца.

— О чем вы думаете? — продолжал он. — Разве вы не знаете за-

кона? Это будет стоить вам 50 фунтов!

Напрасно я пытался оправдаться. Напрасно старался объяснить ему, что старик Билль Крау, мальчишки и я сам искололи себе все руки, выдергивая плети ежевики из каменистой почвы. Мы сотни раз принимались за ее истребление, прорыли ров вокруг гряды камней, где она росла, перерубали и выдергивали из земли самые корни, а через месяц она выросла вновь, стоглавая, в сотне новых мест. Труд Сизифа бледнел перед нашей борьбой с этой гидрой!

Чиновник и слушать ничего не хотел:

— Пятьдесят фунтов, и истребите эту чуму! Иначе вы ответите за последствия.

— Чорт возьми, да я же говорю вам, что с нею ничего нельзя поделать! Ну, как вы хотите, чтобы я уничтожил ее?

— Заведите козу, — сказал он сухо и велел подать свою лошадь.

Ксзу! Овец и коров у нас было много. Некоторые из нас охотились на кенгуру, кое-кто видел зму и кири, а старик Нед Стривен хвастался даже, что видел однажды мса. Но козу? В окрестностях не было ни одного человека, который когда-либо встречал это животное. Джим Бертон говорил, что он читал про коз где-то в библии, но это, конечно, не могло помочь нашему горю.

Наконец, я узнал, что по ту сторону залива живет человек, у которого было когда-то две козы. Держал ли он их сейчас, мой собеседник не мог сказать. Но, во всяком случае, мы решили сплавиться, спустили лодку, и я отправился в путь со своими сыновьями.

Приехали. Я разыскал хозяина, жирного человека с широкой улыбкой. Спросил, нет ли у него продажных коз. Оказалось, есть. Их паслось четыре или пять штук на холме, за усадьбой, и он уступил

Коза лежала довольно удобно и жевала жвачку. Однако выражение ее глаз было недоброе...

Внепредное живот-
ное дергало меня
за волосы и поговори-
ло ухватить за ухо...

мне одну за три фунта и десять шиллингов. Он предложил мне прислать моих трех сыновей и обещал дать им в помощь своего сына Дика. Четвером они, по мнению толстяка, без труда загонят одну из коз во двор и поймают ее там.

— А смиренные они? — спросил я.

— Как ягнята, — ответил он.

День был жаркий, а путь от берега до усадьбы не так короток. Вернувшись к лодке, я послал мальчиков за козой вместе с Диком Мерченотом, а сам лег на дно лодки, чтобы отдохнуть. С берега ко мне доносились крики, бляение каких-то незнакомых животных, щелканье бича; но звуки слышались все тише и тише, и наконец, я задремал.

Я проснулся от какого-то шума и мне показалось, что происходит землетрясение. Четверо кричащих парней и коза, сцепившись в общий клубок, катились с крутого берега к бухте. Каждый из них держал козу за одну ногу, и я видел, что они выпилились крепко, как булыжники.

— Держи ее, ребята! — крикнул я и, охваченный внезапным приливом энергии, бросился им на помощь, но тотчас же был сбит с ног и упал прямо на козу.

Нас было пятеро, а она одна. Под конец мы все-таки одолели ее, связали ей крепкой веревкой ноги и отнесли в лодку. Она лежала там между скамейками довольно удобно и жевала жвачку, а мы гребли. Однако выражение ее глаз было недоброе, и я, должен сознаться, не разделял оптимистического взгляда ее бывшего хозяина относительно кротости ее нрава.

Поднимался ветер, и на море появились волны. Соленые брызги лезли в лодку. Я сидел загребным и работал изо всех сил, когда вдруг,

без всякого предупреждения, кто-то изо всей силы ударил меня в спину. Я свалился со скамьи, и в ту же минуту какой-то дьявол с острыми копытами пробежался на четырех ногах по моему распростертому телу.

Это была проклятая коза! Она ухитрилась перегрызть веревки, освободилась и начала буйнить. Повалив меня, она поскакала голопом на другой конец лодки, разбросав моих мальчуганов — кого направо, кого налево.

Лодка, не направляемая веслами, вышла из курса, а коза продолжала свое наступление, стараясь изо всех сил выбросить нас за борт. Это были ужасные минуты! Мы несколько раз были на волосок от гибели. Наконец, Джиму удалось ухватить ее за ногу. Она упала, и мы все сообща нагналились на нее. Коза уступила силе, но не сдавалась. Наше положение затруднилось тем, что во время возни все веревки попадали за борт, остался только небольшой конец, которого хватило на одни задние ноги.

Так как она продолжала в таком полусвободном положении свои военные действия, то решено было, что я брошу грести и буду держать ее обеими руками вокруг туловища, положив ее передние ноги себе на плечи. Мальчикам пришлось одним грести все 15 миль, которые отделяли нас от дома.

Никогда не забуду этого путешествия, — в неудобном до нелепости положении, в легкой лодке, на беспокойном море, обнявшись скозой, которую я прижимал к себе обеими руками и коленями! Зловредное животное все время старалось ткнуть меня мордой в глаз. Шляпа у меня свалилась, и ее унесло в море. Коза дергала меня за волосы и норовила ухватить за ухо. Несколько раз, с совершенно неожиданной силой, упершись задними ногами в дно лодки, она ухитрилась поднять меня со скамьи, и был момент, когда она едва не отправилась вместе со мною за борт.

Доведенный до отчаяния, я хотел уже сплунуть ее туда одну, чтобы отделаться от нее раз навсегда, когда один из мальчиков, крепко налегая на весла, вдруг сказал мне:

— Попробуй петь, отец! Может быть это ее успокоит...

Это была счастливая мысль. Я запел в тишине наступающего вечера. Скажу без лишней скромности, что я — самый заурядный певец. Мои друзья даже и этого не хотят признать за мной, тем не менее, пока я пел, коза вела себя смирно, как ягненок. Как только я замолкал, она сейчас же начинала возиться и делала все возможное, чтобы перевернуть лодку.

В течение двух мучительных часов мой голос сливался с шумом шторма. Я спел ей решительно все, что знал. На слова она обращала мало внимания, но в смысле напева ей больше всего понравилась детская песенка про ягненка. Я повторил эту песенку, должно быть, сто раз. И благодаря моему пению, мы благополучно достигли берега, извлекли козу из лодки и заперли ее на ночь в деревянный сарай. На другое утро мы отвели ее к кустам ежевики.

Теперь я должен познакомить вас с теорией о козах и ежевике; она, эта теория, заключается в следующем: животное крепко привязывается к зарослям ежевики, и ему приказывают есть ее. Предполагается, что слюна козы содержит вещество, которое отравляет растение и оно погибает. Козе оно, конечно, совсем не нравится, она любит гораздо более тонкую пищу, но для того-то ее и привязывают; голод заставляет ее есть, наконец, колючие побеги. Хорошим соусом можно сдобрить всякую пищу, голод является в настоящем случае этим самым соусом, и коза станет все-таки скорее есть ежевику, чем умирать с голоду...

Но, увы! Жизнь очень часто смеется над самими, казалось бы, надежными теориями. Коза очень быстро справилась с теорией, кото-

Коза перегрызла за ночь канат; наживала ремень от стремени; обела кожу с седла... Цепь для нее не годилась: она ухитрилась расклатать канас-нибудь змею...

рую мы пытались утвердить за ее счет, — в первую же ночь.

Днем все шло хорошо. Она даже начала пощипывать молодые побеги ежевики, и мы уже радовались, что справились с этой чумой. Но на другое утро мы проснулись от тревожных криков. Коза отъезжалась и вступила в единоборство с щенком овчарки, который вовсе не желал играть с ней и был за это немилосердно подброшен вверх раздосадованной чертовкой...

Освежившись купаньем, Уосон сел на берегу об-сушивать, све-сил ноги и заку-рил папироску...

Когда мы встали и вышли во двор, мы обнаружили, что коза перерезала за ночь двухудиймовый канат, которым она была привязана. Очутившись на свободе, она отправилась исследовать свои новые владения и удовлетворять погубную страсть к проказам. Она обела кожу с седла, неряшливо оставленного на ночь неубранным, пробралась в огород и полакомилась морковью и репой, изжевала ремешок от стремени, — словом, ничто не избежало ее острых зубов.

Привязывать ее совершенно не стоило. Цепь, на которую мы сажали собаку, для нее не годилась: она ухитрялась каким-то образом раскрывать какое-нибудь звено и, очутившись на свободе, принималась за свою разрушительную работу. У нас вошло в обычай вставать с восходом солнца и гоняться за козой. Это отнимало очень много времени; но не успевала мы поймать и привязать ее, как она вновь срывалась, и приходилось начинать сначала. Она стала для нас мучением, кошмаром.

Почему же мы не зарезали ее? — спросит всякий. — Не знаю. Мы боролись с ней, гонялись за ней, она бодала нас и продолжала делать свое дело с такой настойчивостью и успехом, что как-то незаметно мы стали даже восхищаться ей. Когда кто-нибудь произносил ей смертный приговор, всегда находился и заступ-

ник. «В последний раз надо ей простить...» И ей прощали. Простили даже, когда она изжевала целую корзину белья и обглодала свежую окраску...

Но конец ей все-таки пришел; вот как это случилось.

Однажды утром к нам приехал Уосон, мой приятель, у которого по соседству тоже была ферма. Хотя нас и отделяли целых двенадцать миль, мы все же находили время, чтобы навещать друг друга. На этот раз Уосон не застал никого из нас дома. Мы все ушли на рыбную ловлю к устью реки, и даже моя жена, соблазнившись хорошей погодой, пошла с нами. Звук наших голосов вдали объяснял ему, где мы находимся и что делаем — мы вынимали верши — и он решил подождать нашего возвращения. Дело приближалось к обеду; он знал, что мы не замешкаемся и терпеливо усялся в тень под яблоней.

День был жаркий. Уосон устал и заплылся дорогой. Блестевшая неподалеку речка манила освежиться прохладной водой, и он, не долго думая, разделся и прыгнул в воду. Бода была чудесная. Освежившись купаньем, он сел на берегу обсушивать, свесил ноги, закурил папироску и погрузился в созерцание расстлавшейся перед ним живописной картины.

И вдруг, без всякого предупреждения, без малейшего тревожного звука, что-то налетело на него сзади с силой землетрясения, и он взлетел на воздух, как ракета, описал дугу и упал в воду — головой вперед.

Это была коза! Она отъезжалась, как всегда, и пошла вредить. Я представляю себе, как это произошло. С свойственной ей хитростью она, очевидно, притаилась в траве с коварным выражением в своих белых глазах — и ждала психологического момента. А затем — бешеном подкралась и как молния ударила в спину блаженствовавшего Уосона.

Вот почему, вернувшись в лодке через пять минут после этого, мы застали среди кустов на лужайке настоящий ураган, сопровождавшийся яростным криком носившегося за козой голого мужнины с перочинным ножом в руках.

Когда мы пристали к берегу, Уосон услышал наши голоса, оглянулся, увидел женщину и, испустив

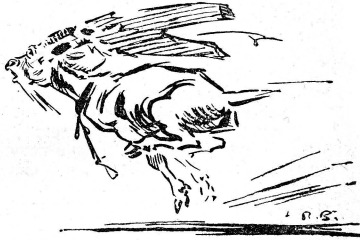
пронзительный крик, прыгнул в ближайший куст. Моя жена поспешила скрыться по направлению дома...

А коза, воспользовавшись временем, чтобы заняться платьем Уосона, подхватила рогами его броки и понеслась по лугу, размахивая ими как знаменем. Мои мальчики бросились за ней.

Когда берег очистился таким образом от публики, Уосон до половины высунулся из куста. Он представлял собой очень печальное зрелище. Взлохмаченная голова, красное вспотевшее лицо, извергающее ужаснейшие ругательства, и тело с гневно размахивающими руками, все покрытое речными водорослями. Я с трудом узнал своего старого друга.

— Вы... вы... вы... — кричал он, захлебываясь от гнева, не будучи в состоянии подобрать подходящее слово для выражения своего негодования.

Я сделал все возможное, чтобы успокоить его. Как хозяин дома и владелец злополучной козы, я рассыпался в извинениях, но ничего не помогало. Сыновья мои вскоре вернулись с плачевными остатками его одежды; он молча натянул на себя изорванные брюки, прикрыл верхнюю часть тела изжеванной курткой и повернулся к нам спиной. Он отказался даже пообедать с нами и уехал домой голодный. Проез-

Коза подхватила броки Уосона и понеслась с ними по лугу.

жая мимо калитки, он поднял сжатый кулак:

— Злодей! — крикнул он, — спускать на меня какое-то бешеное животное!

Это было неблагоприятно с его стороны. Как будто я нарочно подговорил козу сбросить его в воду!

Но козе на этот раз пришел конец. На утро я продал ее соседнему мяснику...

Только через год мой старый приятель решился опять приехать ко мне. Чорт бы побрал проклятую бестию!..

ПОЛЯРНЫЙ РЕЙС КЛИППЕРА „МЕДВЕДЬ“

(К рисунку на обложке)

Осенью 1927 г. в Вашингтоне были получены тревожные сведения о бедствии восьми китоловных судов, затертых льдами у мыса Барроу (на крайнем северном побережье Аляски). Зима настала рано и китоводы не успели во-время выбраться

разведение оленей на Аляске и содержало огромные стада этих животных в снежных равнинах области.

— Почему бы нам не доставить китоводам «говядину на копьях», пригнав два-три стада оленей в Барроу?— заявил он. План был встречен с восторгом, однако старые «полярные волки» озабоченно качали головами:

— Шутка ли прогнать оленье стадо на тысячу миль пути!

Знаете ли вы, что такое полярная зима? Бесперывные вьюги и метели; острые ледяные снежинки режут лицо... даже полудикие аляскинские псы—маламуты не могут противостоять этим вьюгам.

Тотль и сам признавал, что экспедиция является соломинкой для спасения утопающих. Тем не менее 27 ноября клиппер «Медведь», нагруженный углем и провизией, вышел из залива Сизэль по направлению к северу. Бросив якорь в бухте о-ва Уналааска, «Медведь» спустил 16 декабря на побережье—заливную группу намеченных для экспедиции лиц: лейтенантов Джервиса и Бертольда, судового врача Коль и матроса Кольцова, русского по национальности. Купив в эскимосской деревушке 41 собаку—маламутов и нагрузив четверо саней провизией, группа начала странствие через дельту реки Юкон к поселку Сен-Михаэлиса на берегу Нортонского залива.

Указя береговая полоса тянулась вдоль моря, а позади нагромодились уступами ледуэе в выс Аляскинские горы. Море у берегов не вполне замерзло и пробраться к поселку кратчайшим путем не представлялось возможным. Надо было подниматься на горы. Сопровождал экспедицию всякая полурусский-полускимос Алексей, житель деревушки. К счастью было сравнительно тепло—30°F, но рыхлый снег затруднял продвижение собак, проваливавшихся в сугробы. По мере подъема вверх погода ухудшалась и, когда после десяти часов пути добрались до перевала, ледяная вьюга бушевала оокруг, залепая глаза колючими иглами мерзлых снежинок. После короткого совещания решили спуститься с горы, пригавзв себя к саням.

Наперегонки с вьющей метелью помчались легкие санки под уклон с высоты двух тысяч футов, унося в своем бешеном беге привязанных людей. На спуск понадобилось всего десять минут.

На берегу, в рыбачьей эскимосской деревушке, расположились на ночлег, а на утро двинулись дальше.

К следующему вечеру добрались до новой деревушки. Две упряжки молодых собак совсем выбили из сил, и экспедиция разделилась. Джервис и Коль двинулись вперед на поиски оленьего стада, а Кольцов и Бертольд остались поджидать возвращения жителей-эскимосов с рыбной ловли, чтобы купить у них новых собак.

Медленно продвигались Джервис и Коль по холмистой и болотистой равнине. Через четыре дня они добрались до поселка Андреевского, где зимовало несколько юконских пароходов. Прибывших встретили радостно...

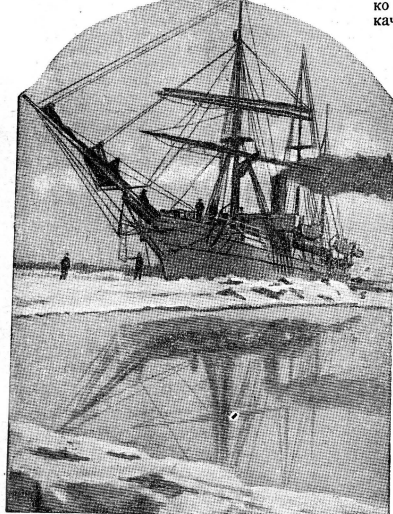
На утро двинулись снова в путь. Погода резко изменилась. Мороз крепчал, снежная вьюга была в глаза, валла в ног. К полудню и люди и собаки выбились из сил и принуждены были сделать привал. Мороз не захватили меховых одежд и холод давал себя чувствовать. Шерстяные фуфайки и одеда оказались недостаточными для полярной экспедиции...

На утро с трудом подняли собак и начали спускаться по Юкону. Кровавый след собакных лап отмечал их дальний путь.

Острые, как битое стекло, льдинки покрывали сверху лед реки, и через час лапы собак были изранены до крови. Шесть дней длился мучительный переход, 30 декабря моряки добрались, наконец, до Сен-Михаэлиса.

Здесь Джервис поспешил закончить оборудование и снабжение своей маленькой экспедиции. При помощи местного торговца американца Энгельстада он приобрел не только для себя и Коля необходимые теплые вещи, но позаботился о них и для остальных двух членов экспедиции, равно как и для будущих гонщиков оленьих стад.

Энгельстад обаялся заготовить поместительные «следки» (сани) с меховыми одеждами и запасом провизии в поселке Уналакки, в трех днях пути к северу от Сен-Михаэлиса. Джервис оставил в поселке инструкции для Бертольда, которому поручил захватить сани и направиться с ними через хребет к северу, до мыса принца Уэльского. Сам же он пустился на разведку заолненным стадом к заливу Коцебу, в южной части Арктического моря.

Клиппер «Медведь» в бухте острова Уналааска. в свободные ото льда просторы Берингова моря.

На восьми судах находилось 265 человек экипажа. Долгая полярная зимовка являлась для них горной гибелью, ибо провизия была почти вся израсходована во время долгого плавания, а запасы маленькой колонии белых и эскимосов в Барроу были слишком ничтожны, чтобы покрыть потребности столь значительного прироста населения.

Общественное мнение было занято вопросом о доставлении необходимых продуктов обреченным на гибель китоводам. Однако самые авторитетные знатоки полярных областей категорически высказывались за невозможность притти на помощь раньше июня или июля следующего года.

С предложением выступил Тотль, капитан «Медведя»—клиппера 1) полярной береговой охраны. «Медведь» только что вернулся из летнего рейса по заокладкам Берингова моря. Капитан Тотль заявил, что можно добраться к запертым льдами судам по суше, в обход Аляски. Тотлю возражали. Мало было добраться, необходимо доставить продовольствие на долгие 8 месяцев полярной зимы для 265 человек.

— Всех собакных упряжек Аляски не хватит для перевозки такого пищевого транспорта—возражали ему.

Тотль указал, что правительство в течение последних лет всячески поощряло

1) Быстроходное парусное очень узкое судно.

К 8 февраля погнали оленей дальше, на север, итмен уже 438 голов и 18 саней с припасами...

Тяжел и мучителен был этот путь. Ветер раскатыл снег с побережья, очистив острые ледяные глыбы на замерзшей почве. В течение первых двух дней с трудом сделали 33 мили. На третий день Джервис встретил группу измученных людей. Это были моряки Тилтона с одного из китлов судов в сопровождении двух эскимосов-проводников. Тилтон был совершенно измучен. По его словам положение китлов было еще хуже, чем предполагали на «Медведе»: льды раздвинули два судна и они пошли ко дну со всеми запасами. На мысе Барроу уже была установлена самая минимальная норма питания и среди людей начались заболевания цингой. Снабдив встреченных людей провизией, Джервис направил их в Уналаклик, а сам продолжал свои поиски оленьего стада.

10 января буря была особенно сильна, и равнина покрылась глубокими сугробами снега, в которые собаки проваливались по брюхо. Джервис начал было падать духом, но ему повеселилось напасть на оленей слона.

Джервис отпрянул в Уналаклик свои собаки упряжи и продолжал путь к северу на оленях. Перегужа багажа и отвратительная жара застала три дня, и только 13 января Джервис углубился в ледяные зазоры, покрывавшие все побережье.

Олени охотно шли по ледяным холмам и буграм и несколько из них вырвались и убежали. До 17 января путь был непрерывной борьбой с выгой и ледяным градом, слепившим глаза. Пришлось остановиться в хижине эскимоса и провести два дня. К 20 января кое-как добрались до мыса Номе, где встретили стадо оленей в 138 голов, принадлежащих богатому эскимосу Артизкарлу.

Стоило больших трудов уговорить его отдать своих оленей, так как эскимосы ценят их выше всего и обычно своих кормильцев не уступают ни за какие деньги. Он согласился со вздохами и жалобами на сделку, только под условием, что дает оленей на честное слово Джервису — не за деньги, а в обмен на новое стадо из государственных резервов оленей.

Джервис оставил Джару эскимосом, дав им инструкции когда с север, сам же бросился на другую оконечность мыса в погону за казенным стадом, находившимся там, как ему сообщили, под охраной интенданта Лоппа.

К 3 февраля Коль, совместно с Артизкарлу, подогнал сюда стадо оленей и они двинулись дальше вместе, имея уже 438 оленей и 18 груженных припасами сакей. Продвижение затруднялось тем, что по дороге олени останавливались и разскидывали себе корм под снегом. В день удавалось сделать не больше 6—8 миль.

Джервис нервничал, вспоминая о Берингольфе, который по всей вероятности уже прибыл на побережье залива Коцебу и находится там в безвыходном положении — без запасов пищи и одежды. Поэтому, оставив позади стадо, он умчался вперед на собачьей упряжке.

12 февраля, после утомительного пути, Джервис добрался до стоянки Берингольфа, с которым расстался 20 декабря. Ему удалось перебраться напрямик, по льду залива Коцебу. 27 февраля переправился по льду и олени. Настала самая трудная часть пути: экспедиция в полном составе двинулась дальше.

Беспрепятственные выгои и буря, резкие морозы и огромные стаи волков, изобилюющие в этой части Аляски, создавали условия отчаянной борьбы со стихией.

Измученные, обессиленные люди лишь через 2 недели добрались до побережья Барроу. Перебивав в снежной землянке эскимоса, Джервис 17 марта выехал вперед на собаках и к радости своей увидел затертый льдами в нескольких милях от берега китлов «Бельведер». Истреданный и изголодавшийся, наполовину больной цингой, эскимос не верил сначала его словам о идущем следом огромном стаде оленей.

Однако, когда к вечеру вдали на горизонте замелькали темные пятна оленей, эскимос безумел от радости и не знал, чем и как выразить свою благодарность. Припасы были уже на исходе, а впереди до июля оставалось еще долгих 3 месяца, которых вряд ли им удалось бы пережить.

«Медведь», затертый льдами у Уналаски, переживал до 14 июня, когда сдвиг льдов дал ему возможность начать продвижение к мысу Барроу, куда он и прибыл 28 июля.

Однако здесь гигантские глыбы льда вновь захватили клипсер в свои цепкие объятия, и лишь 17-го августа «Медведь» мог двинуться в обратный путь к югу, уезжая на своем борту больных китлов.

31 августа «Медведь» прибыл в Уналаску, а 13 сентября — в Ситль. Участники экспедиции были награждены, а клипсер «Медведь» получил почетное звание «Борца полярных льдов», — за единственный в своем роде рывок, где олень не побоялся вступить в борьбу с озверевшей стихией для спасения человеческих жизней.

Г.-М.

„СЛОНОВИЙ УНИВЕРСИТЕТ“

Слоны в тропических странах могут быть несамыми домашними животными и помощниками человека. Но, к сожалению, взрослые слоны не поддаются приручению и, кроме того, долго не выживают в неволе. Старого слона невозможно чему-либо научить, к тому же его трудно поймать.

Вследствие этого бельгийцы еще лет тридцать назад основали банк местечка Бутта (в центральной Африке) большую школу для воспитания и дрессировки слонов. Слоны, как известно, до двадцатилетнего возраста неспособны к работе, и поэтому воспитание слонят длится более десяти лет.

Слонят ловят в бамбуковых зарослях, куда старые и молодые слоны ходят целыми стадами лакомиться молодыми побегами бамбука. Часто, чтобы поймать слонят, приходится убивать их мать.

Слонята очень привязаны к своей матери, и нередко охотники за слонами

прибегают к такому способу: они отрезают от убитой слонихи кончик хвоста, выдаивают из ее сосков несколько капель молока, обливают этим молоком кончик хвоста и подносят его слоненку. Глупый малыш, чувствуя запах матери и материнского молока, берет хоботом кончик хвоста и сам идет в неволю, не подозревая коварства человека.

В слоновьей школе в настоящее время около сотни воспитанников. Для них имеется целый штат учителей — карнаков, которые регулярно каждый день занимаются обучением слонят.

Слоновья школа производит необычайное впечатление. Вот в каких словах описывает свое посещение этой школы один французский журналист:

«Еще с берега реки, на берегу которой находится школа, мы слышали приятное пение. Мы можем разобрать отдельные слова:

О ле яла-яла
Соро тибан...
Успокойся, маленький братишка,
Все пройдет со временем;
Стоит ли плакать,
Луна всегда догоняет солнце...

— Что это такое? — спросили мы у заведующего школой, сопровождавшего нас. — Это колыбельная песня для слонят.

И он вводит нас в помещение, предназначенное для новичков. Привязанный канатами к четырем большим столбам, маленький слоненок угрожающе поднял хвост и бешено кидается на стоящих вокруг него карнаков-индусов. Последние держат в руках пальмовые ветви и размахивают ими в такт своему пению.

... Малыш, чувствуя запах матери и материнского молока, берет хоботом кончик хвоста убитой слонихи и сам идет в неволю за охотником...

— Это только что пойманный слоненок, поступивший в подготовительный класс, говорит нам директор школы. — Он немножко расстроен, бедный малыш. Но пенне, которое слышите вы, успокаивает его, как колыбельная песня. Слоны очень чувствительны к ритму; малыш скоро успокоится.

И, действительно, слоненок через три-четыре минуты опустил уши, снисходительно покачивая головой. Пенне продолжалось:

Айи танда муни
Соро тибан...
Ешь бананы, глупый, и листья,
А в это время
Луна, как всегда, дотопляет солнце...

«Дитя» неподвижно. Его маленькие глаза закрываются. Слоненок засыпает...

После двух — трех месяцев пребывания в «школе» слоненок привязывается к соседству людей, и его поручают взрослому слону, который отныне становится его наставником.

Вначале ученика привязывают к учителю, но очень скоро эта предосторожность становится излишней. Ученик привыкает к своему учителю и не пытается от него убежать.

С этого момента начинается первая ступень обучения. Учитель — дрессированный слон — объясняет основные принципы домашней жизни: не разрушать жилища, почесываясь о них, соблюдать порядок во время еды, принимать пищу в определенном час, узнавать голос карнака.

Когда это достигнуто, начинается период обучения второй ступени. Преподавателем становится карнак, терпеливо обучающий воспитанника всему, что должен знать слон: разрешать человеку садиться на его спину, поворачиваться вправо, когда нога карнака надавливает на правое ухо, налево — когда карнак надавливает на левое ухо; понимать восклицания, означающие: вперед (тамбули), хорошо (саба). Протягивать хобот за анамасами или бананами, когда карнак почесывает ему макушку, и многим другим полезным мелочам жизни, изучение ко-

торых продолжается до двадцатилетнего возраста.

Двадцатилетний слоненок становится уже взрослым слонем. Он съедает в день сто килограммов листьев, но за то может исполнять работу шестидесяти человек — валить деревья, вести телегу с грузом в пять тонн и тащить плуг с двенадцатью мелехами.

Когда я приехал сюда тридцать лет назад, — говорит заведующий школой, здесь кругом был непроходимый тропический лес, а теперь, как видите, всюду плодородные поля — и это все благодаря слонам. У нас очень мало людей, да им и не под силу была бы такая работа.

Таким образом, слоны являются энергичными сотрудниками человека в центральной Африке. Но нужно сказать, что предпринимчивый капиталист почти уже истребил этих животных. И только теперь, когда колонизаторы поняли пользу, какую слоны могут принести, принимают некоторые меры к охране этих умных животных.

Н. Л.

Путешествия и путешественники

„ДНО“ ЗЕМНОГО ШАРА.

Американец Бард, открывший Северный полюс, снаряжал к концу лета нынешнего года экспедицию для исследования Южного полюса. Рассматривая земной шар как «кубическое со сплюснутыми концами», он шуточно говорил: «крышку земного шара я уже приоткрыл, теперь заглянем в «дно» его».

Многие полагают, что Северный и Южный полюсы, Арктика и Антарктика, вполне схожи по всем условиям. Однако, как это доказано предыдущими, хотя и не полными исследованиями, это далеко не так.

Южный полюс был открыт дважды в 1910 году: первым прибыл в эту загадочную точку земного шара Амундсен, выступив со своими собаками и упряжками с антарктического побережья со стороны Новой Зеландии. Выюги и бураны огромной силы значительно осложнили его путь. Но все же он оказался удачливее Скотта, добравшегося к полюсу через месяц после него, но погибшего со своими тремя спутниками на обратном пути, в сотне миль от главной базы своей экспедиции.

Из имеющихся у нас сведений об Антарктике можно вывести заключение, что жизнь в ней совершенно отсутствует, не смотря на то, что, в противоположность Арктике, представляющей несомненные водные пространства, она является в сущности шестым материком земного шара. Однако, и эти немногие сведения дали нам, главным образом, капитаны и матросы китовых судов, пристававшие к побережью материка в течение короткого лета. Они говорят, что видели пингвинов — старую птицу, которая остается в этих мрачных областях и зимою кладет свои яйца в снег. В летнее время изобилуют некоторые виды чаек, а воды буквально кишат тюленями, нерпами и китами. Но респекtable жизнь представлена крайне бедно: лишь мхи и лишайники скудно покрывают обнажающиеся от снега скалы. Из насекомых нашли только одного представителя необычайно и принудительной формы. Что же касается червей, моллюсков, пресмыкающихся и т. д., ни один из

посещавших Антарктику не упоминает о них.

Антарктика не знает резких колебаний температуры Арктики, где зимние восьмидесятиградусные морозы сменяются летними знойными днями, привлекающими на сочные пастбища бесчисленные стада оленей и мускусных быков. Почва Антарктики никогда не отмерзает настолько, чтобы дать ростки даже маленькой траве; в летнее время термометр там редко поднимается на 4—5° выше точки замерзания.

Однако авторитетные натуралисты склонны признать существование жизни в Антарктике. Они говорят, что трудно предполагать, чтобы область, освещаемая и нагреваемая солнцем в течение 2½ месяцев беспрерывно днем и ночью, не могла развить жизнь где-либо в долинах, укрытых горами от резких антарктических ветров. Более чем вероятно, что растительная и органическая жизнь этой области совершенно отлична от наших форм.

Исследования натуралиста Джамса Мюррея, сопровождавшего экспедицию Шеклтона, подтверждают эти признания. В водорослях, взятых за два антарктических озера, даже в кусках льда Мюррей при помощи сильного микроскопа открыл органическую жизнь. Нетомные черви, странные животные формы (например, крохотные организмы, похожие на медведя), крохотные моллюски жили и двигались в куске льда. Опытами было установлено, что эти микроскопические животные сохраняют жизнеспособность при предельных

температурах от 40° ниже нуля до 12° выше нуля по Цельсию.

Экспедиция Барда предполагает организовать с широким размахом. Она не ограничится коротким «налетом» на Антарктику, а должна основать прочную главную базу в виде постоянного поселения в глубине Антарктики, где и останется на 1½—2 года, а быть может и больше. В августе текущего года 17 000-тонное судно отправится в поход и, отведав экспедицию в Антарктику, зазимует в бухте Новой Зеландии или о-ва Тасмания.

Экспедиция же начнет сооружать городок. Все здания этого городка будут возведены прочно, с возможными усовершенствованиями, как по утеплению, так и по устойчивости против зимних бурь. Электричество, «городской» телефон, радио для сообщения с далекими культурными странами, прекрасно оборудованные лаборатории и мастерские, солидные склады провизии и топлива — все предусмотрено для того, чтобы создать членам экспедиции вполне благоприятные условия жизни и работы. С наступлением теплых дней будут установлены воздушные рейсы для сообщения с центром. Особые «полярные» самолеты будут служить для облета разных частей Антарктики в летнее время. Вообще летом будет идти лихорадочная работа по сбору образцов недр, ископаемых, разных форм жизни и т. д. В долгие же зимние месяцы все эти находки будут изучаться и анализироваться в лабораториях.

Радиостанция будет сооружена по последнему слову техники с двумя длинами волн — в 40 метров и 2000 метров. Ученые круги Америки очень заинтересовались этой экспедицией, обещающей ряд новых открытий.

Г.-М.

КТО БОЛЬШЕ ЗНАЕТ ???

ОТВЕТЫ ВТОРОЙ СЕРИИ

1. Река Кара в Карское море.
2. Северная часть Гвианы — английский колония; средняя — нидерландская; южная — французская.
3. В 1446 или 1451 г.г. в гор. Понтверда (Испания), хотя долгое время, даже в XX веке, родным городом Колумба считали Геную (Италия).

4. Китайское трехмачтовое парусное судно.
5. Северный конец магнитной стрелки будет притягиваться к земле, т. к. сколо Гудзонова залива находится южный магнитный полюс.
6. В СССР (в средней части).
7. Род ящериц, созвездие 10 звезд южного неба и марганцево-кислый калий.
8. Греческий философ Платон.
9. Так называется совокупность всех областей земного шара, заселенных человеком.
10. Нет, она может смертельно укусить человека, т. к. яд ее находится не в жалах, а в особом зубе.
11. Жирафа (Африка), имеющая шею, равную по длине своему росту до плеч (3 м до плеч, 6 м до вершины головы). Для того, чтобы пить или схватить что-либо с земли, она вынуждена опускать всю шею вниз, что делает ее вдвое меньше.
12. Острова Малайского архипелага, часть света и жюно (австралийский—южный).
13. Америка.
14. Изучением древних умерших животных и растений, выкапываемых из недр земли.
15. Азов на берегу Азовского и Охотск на берегу Охотского моря.
16. Торричелли (1643).
17. Уступы земной поверхности, возвышающиеся один над другим.
18. Магеллан в 1519—1522 г.
19. Реки Прут и Днепр в Черное море—Бессарабия (захваченную румынскими насилиями).
20. О ее не слишком давнем происхождении. Невз по шведски «кня» — новая.
21. В древности для сохранения тела на место внутренностей вливали асфальт, который у арабов носит название мумии.
22. В Бурятия-Монгольской Авт. Сов. Соц. Республике.
23. Угол, заключенный между продолжением стрелки компаса и линией ее направления, по которому необходимо двигаться.
24. Ленивый глест — солитер.
25. 3700 км.
26. Ее защищает от охлаждающего действия атмосферы длинный столб воздуха.

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

ВЫСТАВКА СУБТРОПИЧЕСКОЙ ФЛОРЫ.

Общество акклиматизации («Юго-Климат») приступило к организации в Одессе выставки субтропической флоры черноморского побережья.

Выставка представляет целью демонстрацию достижений в области садоводства и акклиматизации за последние годы. Вместе с тем, организация выставки будет способствовать поднятию акклиматизационного дела в Одессе и в прилегающих к ней районах.

Общество акклиматизации уже сносно с батумским и сухумским садами, с опытными станциями кавказского побережья, которые примут участие в выставке своими экспонатами. Общество решило также привлечь к участию на выставке и киевский акклиматизационный сад.

ПОЛЯРНЫЙ ШТОРМ.

В гидрографическом управлении (Ленинград) получено радио о полярном шторме на островах Северного Ледовитого океана, свирепствовавшем зимою.

- духа в колоде, обладающий малой теплопроводностью.
27. Агами — золотой трубак (сторожит стада, усмиряет птицу и пр.).
28. Острова южной части Тихого океана к востоку и северо-востоку от Австралии.
29. Республика Чили в Южной Америке (Чилийская земля).
30. Макробиотика.
31. Антилопы.
32. Наука о собаках.
33. О. Тендер на Черном море.
34. Немецкий инж. Лиленталь (1891 г.).
35. Мифическое племя карликов (величины с кулак), жившее якобы на берегах океана. (Пигмеи — в переносном смысле — маленькие люди).
36. Маленькие планеты, обращающиеся около солнца между Марсом и Юпитером.
37. Город — в Юж. Америке, порт — в Сев. Австралии.
38. $40\,000\text{ км (метр} = \frac{1}{40\,000\,000}\text{ меридиана)}$.
39. Галилей (1633).
40. Похожий на золото сплав меди, латуни и олова.
41. Правый от узкого конца (от начала) оврага.
42. Аппарат электро-музыки, изобретенный советским ученым Терменом.
43. Костер — многолетняя трава, выходящая из почвы в зимних лугах.
44. Нансен (1888 г.) и Пири (1892 г.).
45. У электрического угра, водящегося в пресных водах Юж. Америки. (Разряд электричества может убить человека).
46. Остров Кенгуру в Юж. части Австралии.
47. Коренных жителей, истари обитающих в данной стране.
48. Одноглазый урод или легендарное чудовище.
49. Фазаны.
50. Обычно представляют, что холоднее всего на полюсах, а жарче — в Сахаре, но оказывается, что самое холодное место на земле — г. Верхоянск в Сибири (средняя зимняя температура — 62°), а самое жаркое — г. Мас-сара в итальяно-восточной части Африки на берегу Черного моря (средняя годовая температура — 22°).

Шквалом ураганной силы на Вайгаче была повреждена мачта с антенной. Связь с внешним миром была прервана в течение 6 суток. На Юшаре антенна была покрыта льдом толщиной в 5 см и только через 2 суток радиостанция смогла восстановить работу. Работы по восстановлению связи с внешним миром велись в исключительно тяжелых условиях полярной ночи.

ТУНГУССКИЕ ЗАГАДКИ.

Академия Наук недавно выпустила новое издание, посвященное исследованию быта одного из многочисленных туземных народов Д.-В. края — тунгусов. В этом значном труде содержится весьма ценные данные, относящиеся к тунгусскому языку и быту. Занимствуем из этого труда любопытные тунгусские «загадки».

«Две вороны бегут взапуски, ни одна из них не опережает (глаз),
«Без ног и без рук стучится в дверь» (ветер).

«Мышь тащит свою кишку» (игра с ниткой).

«Когда сжимаю, нет горсти; когда отпустил, свет заполнил» (смазать свои глаза).

«Внутри хлева пегие быки привязаны» (зубы).

«Посредине моря горит огонь» (самовар).
«В камнях лают без шума собаки» (вши).

«Беззубая старушка рвет мясо» (кожемялка).

«Сосна с 77 сучьями» (гребень).

«Я по ту сторону, ты по эту» (пояс).

ОТКУДА НАЗВАНИЕ «АМУР»?

На этот счет существуют всевозможные предположения. Одни исследователи производят название «Амур» от гилийских слов «Я мур», означающих в переводе «большая река»; по предположению других, это название является испорченным словом «аму», которым прибрежные туземцы именуют реку; наконец, высказывалось неоднократно предположение, что название «Амур» происходит от названия ручья Эмури, впадающего в Амур вблизи того места, где была основана первая русская крепость на Амуре — Албазин.

Каждый из народов, населяющих Амур, дает свое название этой реке. Так, голландцы называют ее Манго, китайцы Хей-лун-цзян или «рекою черного дракона», якуты — Кара Туран, что значит «черная река», маньчжуры — Сахалин Ула, то есть «рекой черной воды».

Ю.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ДАЕТ 94% ПОТЕРИ ЭНЕРГИИ.

Установлено, что в осветительной сети электричества происходит колоссальная бесполезная утечка, подсчитанная экспертами лишь для одной Америки в 100 000 000 долларов (то есть, около 200 мил. рублей) ежегодно! Происходит это вследствие того, что лишь ничтожный % энергии, текущий по проводу в лампочку, превращается в видимые световые лучи, остальные же энергии отходят в виде невидимых тепловых лучей. Опытами доказано, что лишь 6% энергии идут на образование света, а остальные 94% являются собой «отходы производства». В силу этого, в Америке во многих лабораториях идут усиленные изыскания, имеющие целью найти способ утилизировать эту бесценно расходуемую энергию.

ЖИЗНЬ ЗЕМЛИ БЕЗ СОЛНЦА.

Проф. Эльзев из Чикагского университета (САСШ) произвел подсчеты длительности жизни Земли в том случае если бы в силу какой-либо катастрофы наше Солнце распалось.

Из наблюдений над звездами (а наше Солнце тоже является звездой в мировом масштабе) установлено, что они, в силу неисследованных еще человеком причин, обладают способностью «взрываться». Последствия из катастроф этого рода была отмечена в августе текущего года, когда звезда Nova Aquilae разорвалась, дав яркую вспышку огня.

Следовательно, и для нашего Солнца не исключена возможность такой катастрофы. В данном случае жизнь на Земле сохранилась бы еще в течение 138 часов. По истечении этого времени пылающие газы, отброшенные от Солнца в момент его распада, достигли бы Земли и испепелили бы все находящееся на ней.

Г.-М.

„САТИРА и ЮМОР“ ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА

из произведений лучших русских и иностранных авторов

АВЕРЧЕНКО А. Веселые утешения, 224 стр. Ц. 2 р. 50 коп.
ДОХУДОВ П. Девства на обе ноги, 243 стр. Ц. 1 р. 50 коп.
ТАШКЕР Я. Счастливая семья, 200 стр. Ц. 1 р. 30 коп.
СОЩЕНКО М. Над кем смеется, 272 стр. Ц. 1 р. 60 коп.
НИБЕР Вера. Доведенный до отчаяния, 128 стр. Ц. 85 коп.
КАТАЕВ В. Птички баяны, 216 стр. Ц. 1 р. 55 коп.
КОЗЫРЕВ М. Дитящие люди, 192 стр. Ц. 1 р. 10 коп.
КУРТЕЖИЖ Я. Поезд 8-47, 135 стр. Ц. 83 коп.
НИКУЛИН А. Банный штет, 203 стр. Ц. 1 р. 15 коп.
ПАВЛОВ В. Лазурные берега, 104 стр. Ц. 60 коп.
РЫКОВАН Г. Воевода и в частности, 102 стр. Ц. 90 коп.
САМОНОВ Б. Мышьяк пшеницы, 104 стр. Ц. 80 коп.
ШПИШКО В. Висцерная рожа, 224 стр. Ц. 1 р. 80 коп.

Дешевая библиотека „САТИРЫ и ЮМОРА“
более 250 отдельных выпусков лучших русских и иностранных авторов, из цены 15 коп. за выпуск!

Выселяются скопленные библиотеки: из 40 разных книг — за 6 руб., из 20 разных книг — за 3 руб.

ПОДПИСКНИК ЖУРНАЛОВ. Включенный подписчик „30 дней“ и „Вокруг Света“ получает скидку в размере 30%.

КНИГИ ВЫСЛАЮТСЯ по получении задатка в размере 1/5 стоимости. На оставшую сумму делается наложенный платеж.

При высладе всей суммы заказа переводятся за счет Изд-ва. Заказы и доставки направлять по адресу: Москва, центр, Иальника, 15, Акц. Изд. Об-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“ (Заф).

ЖЮЛЬ ВЕРН и ФЕНИМОР КУПЕР

(СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ)
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТИШЕННЫХ
ЗОЛОТОМ И КРАСНЫМИ ПЕЧАТАХ
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ и ПОСТУПИЛИ в ПРОДАЖУ:

Жюль Верн, 20000 лет под водой, ром. 340 стр.	Цена без перепл.	Цена в перепл.
Его же Приключения капитана Гаттерса, ром. 280 стр.	—	2 р. 75 к.
Его же Робур-законодатель, ром. 316 стр.	2 р. —	2 р. 30 к.
Его же Тинисский остров, ром. 416 стр.	3 р. —	3 р. 55 к.
Его же Дети капитана Гратта, ром. 443 стр.	2 р. 60 к.	3 р. 60 к.
Ф. Купер. Шпана, ром. 224 стр.	2 р. 60 к.	3 р. 20 к.
Его же Пенитенция моря, ром. 272 стр.	1 р. 60 к.	2 р. 15 к.
Его же Зероверой, ром. 232 стр.	—	1 р. 95 к.
Его же Саломан, ром. 268 стр.	1 р. 70 к.	2 р. 25 к.
Его же Последней из Могила, ром. 260 стр.	1 р. 60 к.	2 р. 15 к.
Его же Прерия, ром. 268 стр.	1 р. 50 к.	2 р. 05 к.
Его же У истоков Сосвега, ром. 235 стр.	1 р. 50 к.	2 р. 05 к.

ПОДПИСКНИК ЖУРНАЛОВ: „Всемирный Саломан“, „Вокруг Света“ и „30 дней“ пользуются на поименованные выше книги СКИДКОЙ в 30%, кроме стоимости переплета.

КНИГИ ВЫСЛАЮТСЯ по получении задатка в размере 1/5 части стоимости заказа. При высладе всей суммы заказа вперед пересылка за счет Изд-ва. Дальнейшие тома сборных сочинений, по желанию заказчика, могут доставляться по мере выхода и свет, наложен, платежом. Заказы и доставки направлять по адресу: Москва, центр, Иальника, 15, Акц. Изд. Об-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“.

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ

**ПОДАРОК МОЛОДЫМ
ХОЗЯЙКАМ**
ПОВАРЕННАЯ КНИГА, 500 рецептов, мясных и вегетарианских, 27 г. сост. по Б.А. Малаховой. Ц. в перепл. 1 р. 30 к.

НОВЫЙ АЛЬБОМ РЫБНИКОВ

ПЕЧАТНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗ ДЕРЕВА
около 250 летений на 30 лет. Сост. З.А. Тараканова. 1928 г. Цена 3 р. С перес. 3 р. 50 к.
ПОЛНОЕ КРОЙКИ и ШИТЬЯ
руковод. 170 стр. 1927 г. Ц. 2 р. 75 к., с перес. 3 р. 10 к.

ДОМАШНЯЯ АПТЕКА
Необходимые рецепты от различных болезней для прибывания дома. Сост. Савельев, И. 45 к. с перес. 70 к.

ПИСАТЬ и ГОВОРИТЬ
ПЕЧАТНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ИЗ ДЕРЕВА, будет, если приобрести „Новый орфографический словарь“, содерж. 100 тысяч слов, сочинительных в правописании. Ц. 2 р. 80 к., с перес. 3 р. 25 к.

РЫБЫ РОССИИ (УКЛОНЕНИЕ РЫБЫ БЫ)
Жизнь и ловля, с приложением рыболовного календаря. 1.065 стр., 1928 г. Ц. в перепл. 3 р. 50 к.

САБАНЕЕВ, Ц. Б.
ФОКУСЫ и ГОЛОВОЛОМКИ
Основан, на ловкости рук, на научных данн, мистификация, с иллюстр. и обр. 2 книги. 29 рис. Ц. 67 к., с перес. 1 р. Сост. Иван Коваров, Н.

МОЕ ВОДОНЕЖИЕ
испыт. в теч. 43 л. 28. Сост. Кнейп. Ц. 1 р. 25 к.

СПУТНИК РЫБОВОДА удильщика
Родственный, с 63 рис. Цена 1 р. 85 к.

МАТЬ И ДИТЕ. Настоящая книга для женщин. 304 стр., с 92 рис. 1927 г. Проф. Орлов, Ц. 2 р. 50 к.

САМОУЧИТЕЛЬ НАЛИГПРОФИ и скороспис, испр. 144 стр., 27 г. Ц. 1 р. 25 к., с перес. 2 р. 25 к.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ЗВЕРЕЙ охотничий, и промысла. 104 стр. 38 рис. 1928 г. Ц. 1 р. 50 к.

СПУТНИК ОХОТНИКА
Рахман, 315 стр. Ц. 1 р. с перес. 2 р. 50 к.

ВЫСЛАДЕ НАЛОЖ. ПЛАТЕЖОМ с доставкой, перес.

КНИЖ. НАУКА и ЖИЗНЬ
МАЛАН, Я. Возвращение, 4/С Фирм. суш., с 1905 г. На ответный прилаг. марку.

„БЫ СТРОЧЕТ“
искусство производить а умножения с быстротой мысли. Составил французский пр. Я. Рини. Цена с перес. 1 р. 50 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книж. Доло „Просвещение“.

НОВАЯ КНИГА
ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК
САМОУЧИТЕЛЬ

Весь ремесленник в одной книге: плетение, столярство, бочарство, переплет, кузнечное, слесарное, литейное, лужение, никелирование, оцинкование, мыловарение, крашение, зеркала, обивка, токарство, печное, малярство, шпатель, изгот. радиоприемника, 148 рис. Цена с перес. 3 р. 50 к.

Можно посылать посылки почтой, наложен, платежом.

КНИЖНЫЙ СКАЛАД „КНИГОВЕД“
Москва, 19, ул. Герцена, 22/12.

Издание Акц. Изд. Об-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ЕДИНСТВЕННЫЙ в СССР
ЖУРНАЛ, РАССЧИТАННЫЙ НА
ДЕТЕЙ ОТ 8-ми ДО 11-летнего
ВОЗРАСТА.

В ЖУРНАЛЕ „ЕЖ“ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ ЛУЧШИЕ
СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ

1928 г.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ, ПОСТУПИЛИ в ПРОДАЖУ и РАССЫЛАЮТСЯ ПОДПИСЧИКАМ № 1 и 2.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 12 месяцев . . . . . 3 р. 60 к. На 3 месяца . . . . . 1 р. — к.
„ 6 „ . . . . . 2 „ — „ „ 1 „ . . . . . — 35 „

„ЕЖ“ ДАЕТ ТАКЖЕ к КАЖДОМУ НОМЕРУ ИНТЕРЕСНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ЖУРНАЛА с ПРИЛОЖЕНИЯМИ:

На 12 месяцев . . . . . 5 р. — к. На 3 месяца . . . . . 1 р. 40 к.
„ 6 „ . . . . . 2 „ 75 „ „ 1 „ . . . . . — 50 „

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 35 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Москва—Рождественка, 4, Главная контора подписных и периодических изданий, Ленинград—пр. 25 Октября, 28, Леноттгаз. Во все провинциальные отделения, филиалы, и магазины „ИЗЪ“ почтово-телеграфные конторы, можно контрагентом печати, а также уполномоченным, снабженным соответствующими удостоверениями.

НОВИНКА ДОМАШНИЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИК САМОУЧКА

Устройство домашней, освещения, звуков, сигнализации и телефонных. Изготовление гальванических элементов, аккумуляторов, трансформаторов и выпрямителей. Радиоприемные установки: детекторные, ламповые, с антенной и без антенны.
ЭЛЕКТРООБРУДОВАНИЕ клубных сцен, изв-читален. Установки проекционных фонарей, киношаров и пр., с 135 рис. и поясн. черт. Цена 2 р. 75 к. с пересылкой.
Книжн. склад „КНИГОВЕД“ Москва, 19, ул. Герцена 22/5.

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

не следует изучать по устаревшим методам. Наилучшим признан новейший метод Мергера, не требующий заучивания слов и правил. Самоучитель немецкого яз., состоящий из 10 выпусков, в обработке Б. Шмелледа, под Гос. Учением Советом, высладе за 2 р. 85 к. Курс английского яз., в 60 лекциях, выс. за 3 р. 15 к. Адрес: Москва, ул. Герцена, 22/12. Книж. Доло „Просвещение“.

КАЖДЫЙ РЕБЕНОК САМ СЕБЕ ХУДОЖНИК

РИСОВАТЬ может самостоятельно всякий ребенок любого возраста—людей, любых зверей, птиц, животных и вся без учителя и школы, рисунки

ВЫПИСЫВАЯ ПРИБОР

„ХУДОЖНИК-ПЕЧАТНИК“

Цена прибора со всеми принадлежностями и руководством 2 р. 75 к. с пересылкой. Высладевается наложенным платежом при задатке 1 рубль (можно почтовыми марками).

МОСКВА, Тверская 15/5
Производство И. А. БЛУШТЕЙН

НОТЫ педагогичес., художествен., бытовые, для всех инструментов и для пения.

ПОЛНЫЕ ОПЕРЫ, ЛИБРЕТТО,
КНИГИ ПО МУЗЫКЕ

выслагает Музсектор Госиздата

Москва, центр, Неглинная, д. 14/31

на сумму до 5 р. без задатка, свыше 5 р.—задаток в размере 30% суммы заказа.